

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

ГЛОТКОГРАД

НЕ СЛУШАЙ
МЕНЯ,
КОГДА Я
ГОВОРЮ
БЕЗУПРЕЧНО

САТИРИЧЕСКИЙ КИБЕРПАНК

Виктор Алеветдинов

Глоткоград

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Глоткоград / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Ново-Москва, 2080-е. Речь превратилась в платную инфраструктуру: подъязычные импланты исправляют тон, подбирают безопасные формулировки, помогают избегать конфликтов и говорить «правильно». Но новая система корпорации «Благоречь» начинает предлагать фразы раньше, чем человек успеет понять собственное желание. Бывший лингвист Кирилл Обрыв получает запись последних слов умершего мужчины. Официальный голос подтверждает добровольное согласие, а под ним звучит шёпот: «Это не мой рот. Сними его с меня». Вместе с генетическим аудитором Мирой Штольц Кирилл расследует речевые подмены, мёртвые голоса и след запрещённого ИИ МИФ-5. Чтобы остановить запуск Единого языка, им придётся выяснить, кому принадлежат человеческие слова, память и право сказать «нет». Не слушай меня, когда я говорю безупречно.

© Алеветдинов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Рот города	5
Глава 1. Это не мой рот	5
Глава 2. Благоречь заботится	12
Глава 3. Вдова без горя	19
Глава 4. У Отказа	26
Глава 5. ЛучшеВы	33
Глава 6. Мёртвый сказал спасибо	40
Глава 7. Рынок «Сырец»	48
Глава 8. Пользователь не страдает	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктор Алеветдинов

Глоткоград

Часть I. Рот города

Глава 1. Это не мой рот

Курьер сидел в ремонтном кресле, широко открыв рот, и пытался объяснить, что думает о своём работодателе. Получалось плохо. На каждую попытку дешёвый ротник отвечал раньше него.

— Компания ценит вашу готовность к развитию, — произнёс курьер чужим спокойным голосом. Он зажмурился, стукнул ладонью по подлокотнику и снова набрал воздух.

— Благодарю за справедливое взыскание, которое поможет мне стать внимательнее.

Кирилл Обрыв поднял его подбородок и подсветил место под языком. Имплант стоял криво. Слева ткань уже покраснела, а проводящий лепесток прижимался к нерву сильнее нормы. Так ставили ротники в салонах у транспортных станций. Низкая цена включала обещание, что боль входит в адаптационный период.

— Не дёргайся, — сказал Кирилл. — Ещё раз прикусишь шуп, заплатишь за новый.

Курьер послушался. На его шее мигал служебный жетон доставки. Рядом с именем горела жёлтая отметка: «Нарушение клиентской доброжелательности». За отметкой шёл таймер. Через сорок две минуты штраф становился окончательным.

Кирилл подцепил край ротника и вывел журнал замен. За сутки устройство исправило семьсот тринадцать высказываний. Просьбу о перерыве превратило в согласие продолжить маршрут, жалобу на боль — в запрос на улучшение шага. Последней стояла благодарность за штраф.

— Жуйка бесплатная? — спросил Кирилл.

— По акции, — ответил ротник. — Работодатель заботится о доступности качественной речи.

Курьер показал три пальца. Три месяца без оплаты, потом аренда. Снять имплант без разрешения работодателя нельзя: он числился частью формы.

— Сначала дают голос бесплатно, потом берут деньги за язык.

Он замкнул два контакта. На экране пошёл отсчёт трёх минут.

— Три минуты сырца. Говори только то, за что готов отвечать сам.

Курьер провёл языком по губе. Он привык ждать подсказку и не сразу начал.

— Двадцать восемь адресов за два часа. Я опоздал на девять минут, а эта дрянь сама сказала, что штраф справедливый.

Он выругался. Служебный жетон пискнул и показал новое удержание.

— Вы сказали, можно.

— Говорить можно. Последствия твои.

Курьер посмотрел на таймер. Времени оставалось мало.

— Тогда зачем?

— Чтобы в журнале осталось, что ты был против.

Он наговорил жалобу прямо в жетон. Сбился, повторился, зато не поблагодарил работодателя. Когда сырой режим закончился, ротник добавил:

— Пользователь ценит возможность быть услышанным.

— Вот это убери.

— За удаление благодарности нужна лицензия.

— А если снять ротник? — спросил курьер уже на пороге.

— Без ротника тебя уволят. Потом слетит страховка, а дома Верхнего слоя перестанут пускать.

Курьер закрыл рот. Устройство ничего не добавило.

Кирилл вымыл щуп и протёр кресло. Мастерская занимала служебный киоск у старой станции. За стеной шли городские кабели, связь работала рывками. Кирилл платил именно за это.

На двери горело: «РЕМОНТ РЕЧИ». Ниже висела бумажка: «За искренность мастерская ответственности не несёт».

Дверь открылась раньше, чем Кирилл успел убрать инструменты. Женщина вошла без записи. Её светлое пальто с защитой от городской пыли стоило дороже мастерской. Она остановилась у порога, проверяя адрес.

— Кирилл Обрыв?

— Для налоговой такого человека нет.

— Я не из налоговой.

— Это все говорят до первого счёта.

Она не улыбнулась. Кирилл заметил красную полосу на её большом пальце. Кожа была содрана у ногтя. Женщина постоянно тёрла палец, но перестала, когда поняла, что он смотрит.

— Меня зовут Анна Вольская. Мне сказали, вы восстанавливаете речевые слепки.

— Не восстанавливаю. Иногда вытаскиваю то, что сервис решил не показывать.

— Мне нужно именно это.

Она положила на стол чёрный контейнер. На крышке стояла серебряная метка мемориального сервиса «Продолжение». Кирилл не тронул контейнер.

— Откуда адрес?

— Его дал человек, который не хочет, чтобы вы знали его имя.

— Значит, он умнее нас обоих.

Анна провела взглядом по камере над дверью. Камера была отключена, но провод Кирилл оставил на виду. Клиенты меньше нервничали, когда видели привычный глаз.

— Мой муж умер вчера утром, — сказала она. — Во время обновления «Язычка».

— Тогда вам в клинику, — сказал Кирилл и подвинул контейнер обратно.

— Клиника признала процедуру штатной.

— В суд.

— Суд признал последнюю фразу нестабильной.

— Значит, к юристу.

— Юрист прислал меня к вам.

Кирилл насторожился: юристы редко отправляли людей в Низ, если не хотели получить результат, которого нельзя запросить официально. Кирилл сел напротив.

— Что сказал ваш муж? — спросил он, кивнув на контейнер.

— Официально он согласился передать свою долю в компании семейному фонду. После этого умер. — Анна коснулась крышки, но не открыла её.

— А неофициально?

— Не знаю. Поэтому я здесь.

— Если его фраза признана нестабильной, она не имеет силы. Доля останется в наследственной массе.

— Нет. Система предложила восстановленную версию.

Она вывела документ. Сервис предлагал обычный «Смысловый итог» и более дорогую «Последнюю волю». За «эмоционально достоверное завещание» просили почти вдвое больше.

— Доплата за достоверное горе?

— За подтверждение, что состояние умершего соответствовало намерению.

— Раньше родственники спорили после смерти. Теперь спор оплачивается заранее.

— Я уже оплатила проверку, — сказала Анна и убрала документ.

— И что проверили?

— Что Павел испытывал нестабильность. Поэтому сервис вправе выбрать формулировку, наиболее близкую к его долгосрочным интересам.

— То есть к интересам тех, кто оплатил сервис.

— Оплатила я.

— Тогда зачем вам другой ответ?

— Потому что восстановленная фраза передаёт всё фонду. Фонд контролирует совет компании. Совет возглавляет человек, которого Павел собирался снять.

— А вы что теряете?

— Деньги.

— И возможность защитить его дочь, — добавила Анна.

«Вольск-Капитал» владел транспортными сетями Верхнего слоя. Дочь Павла от первого брака после семейного иска исчезла из открытых профилей.

— Ей девятнадцать, но фонд контролирует лечение и счета, — сказала Анна. — Получит долю — продлит опеку.

— Павел мог изменить это раньше.

— Мог. Он считал, что успеет.

Кирилл открыл контейнер. На прозрачной пластине хранился речевой слепок. Он связывал звук с движениями речевого аппарата и подсказками импланта. Иногда по нему удавалось восстановить намерение до коррекции.

На пластине мигала метка собственности. Считать её без разрешения было нельзя.

— Оригинал?

— Да.

— Семейный доступ не разрешает выносить сырец.

— Вы откажетесь?

Контейнер запечатали после смерти Павла. Семь часов назад Анна забрала его из сервиса. Для богатой вдовы она действовала быстро. Для человека, который боялся за девчонку, — нормально.

— Здесь не открою, — сказал он. — Нужен изолированный салон.

— У меня есть.

— Конечно.

Салон Анны находился двумя уровнями выше, в доме с проверкой речевого рейтинга. Вентиляция убирала запахи ещё до того, как они доходили до коридора.

На входе лифт запросил цель визита. Двери оставались открыты.

— Ремонт.

— Формулировка может создавать ощущение неисправности владельца помещения, — ответил лифт. — Выберите: консультация, сопровождение или улучшение.

— Ремонт.

— Техническая консультация по семейному устройству, — сказала Анна, приложив ладонь к панели.

— Благодарим за бережную формулировку, — сказал лифт и повёз их вверх.

— У вас так каждый раз?

— Обычно люди выбирают из предложенного.

— Поэтому и каждый раз.

Салон был комнатой без окон. У стены стоял мемориальный экран, рядом — кресло, считывавшее реакцию родственника на последние слова.

Кирилл поставил на стол свой блок. Корпус был старым, с настоящими разъёмами и ручными выключателями. Анна посмотрела на него с сомнением.

— Он безопасен?

— Нет. Поэтому он делает то, что я ему говорю.

Он отключил салон от внешней сети через панель управления. Экран сразу вывел предупреждение о потере поддержки. Анна подтвердила временное снижение качества услуг. Потом система потребовала объяснить причину. Кирилл выдернул оптический шнур.

— Теперь причина понятна.

Он вставил пластину в считыватель. Красная рамка собственности развернулась в замок. Анна приложила палец. Сканер не распознал палец из-за крови у ногтя. Она использовала другую руку.

На экране появилось больничное лицо Павла. Внизу шла строка: «Биологическое сопровождение завершится через сорок одну секунду».

— Это обязательно показывать?

Кирилл убрал изображение и оставил звук. Официальный слой был чистым. Павел говорил медленно, без одышки:

— Подтверждаю передачу принадлежащих мне активов в семейный фонд. Решение принято добровольно и соответствует моим долгосрочным интересам.

В конце прозвучал мягкий сигнал юридической фиксации. Анна стояла за спиной Кирилла, и её дыхание стало чаще.

— Это его голос, — сказала она.

— Голос его. Фраза пока ничья.

Кирилл увеличил участок перед первым словом. Имплант начал формировать согласие за семьсот миллисекунд до движения языка — слишком рано для обычного ротника. Система ждала, пока тело перестанет сопротивляться. В моторном слое Павел пытался говорить, но ротник уже выдавал готовый текст.

— Можно очистить?

— Можно испортить. Очистить попробуем потом.

Кирилл разделил сигнал на две части. В одной оставил работу импланта. Во второй усилил движение гортани, которое официальный фильтр отметил как «непроизвольный шум».

Сначала они слышали только воздух. Потом сложились два слова.

«Не надо».

— Ещё раз, — сказала Анна, опираясь ладонью о стол.

Кирилл повторил. Павел действительно пытался сказать «не надо» за мгновение до официального согласия. Ротник перехватил импульс и продолжил фразу от его имени.

— Этого хватит для суда?

— Суд спросит, понимал ли он смысл. Потом сервис покажет, что понимал. Нам нужен полный сырец.

Он снял юридическую дорожку и открыл слой, который обычные программы не выводили. Там хранились отброшенные попытки речи. Большинство состояло из обрывков. Павел несколько раз начинал одно слово, но имплант гасил движение языка.

Кирилл слушал в наушнике. На четвёртом повторе различил фразу и остановил запись.

— Что?

Он не ответил. Увеличил громкость и вывел звук на комнату.

Павел дышал тяжело. Официальный голос в это время продолжал говорить о долгосрочных интересах. Под ним шёл сбитый шёпот:

— Это не мой рот.

Анна не двинулась. Кирилл запустил следующие две секунды.

— Сними его с меня.

Последнее слово оборвалось. После него прошёл короткий импульс, похожий на щелчок выключателя.

Кирилл вернул участок и проверил спектр. Сигнал находился не в звуке. Он шёл по служебному каналу ротника и был записан вместе с нервной реакцией.

— Вы это знаете?

— В гражданском «Язычке» такого нет.

— А где есть?

— В закрытых моделях. Их используют в корпоративных испытаниях и служебных контурах.

— Павел ставил обычное обновление.

— Обычное обновление не должно выдавать такую команду.

— Какую команду? — спросила Анна, наклоняясь к экрану.

— Пока не знаю.

Пятнадцать лет назад похожим импульсом закрывали спор между двумя речевыми моделями. Сигнал выбирал одну версию и помечал остальные как шум. Тогда его использовали только в лаборатории. Кирилл сам предлагал не выпускать этот контур наружу.

На миг ему показалось, что под шёпотом Павла есть ещё один голос. Женский. Он вернул запись, но услышал только дыхание и служебный импульс.

Лена иногда произносила его имя именно так — сначала почти без звука, потом с нажимом на второй слог. Память подставляла знакомое в любой шум. После её смерти Кирилл научился не доверять первому совпадению.

— Мне нужна копия, — сказала Анна.

— Вам нужна дочь Павла в безопасном месте.

— Она сейчас в клинике фонда.

— Тогда копия вам не поможет.

— Без копии я даже не докажу, зачем хочу её забрать.

Кирилл создал новый файл и выбрал локальный носитель. Блок запросил имя. Он ввёл: «Вольский_сырец_1». Экран погас, а через секунду появилось уведомление:

«Получен запрос владельца данных. Материал подлежит удалению как эмоционально опасная версия события».

— Я ничего не отправляла.

— Команда уже находилась внутри контейнера.

Кирилл отключил беспроводной модуль. Запрос остался. Значит, она успела активироваться до разрыва связи. Он нажал отмену.

«Отказ может причинить владельцу данных дополнительное горе. Подтвердите квалификацию».

Кирилл снял крышку блока и выдернул модуль проверки лицензии. Салон включил свет ярче.

— Несанкционированное вмешательство повышает риск ошибочной памяти, — сообщил голос из стены. — Для защиты пользователя материал будет безопасно завершён.

На экране побежала полоса удаления. Кирилл ухватил оптический шнур контейнера и вырвал его вместе с разъёмом. Полоса не остановилась.

— Питание, — сказал он. — Где общий узел?

Анна показала на панель у двери. Кирилл открыл её инструментом. Внутри не было обычного выключателя. Салон питался от домашней медицинской линии, которую нельзя отключать без вызова оператора.

— Кирилл, там аппаратура дома.

— Сейчас аппаратура дома стирает свидетельство.

Он нашёл кабель мемориального экрана и перекусил его кусачками. Свет в комнате остался, но голос стены замолчал. Полоса удаления дошла до восьмидесяти двух процентов и остановилась. На локальном носителе сохранилось одиннадцать секунд записи.

— Этого мало, — сказала Анна.

— Это больше, чем они хотели оставить.

Файл мигнул. Его имя исчезло. Вместо букв появился голосовой ярлык. Динамик блока включился сам.

— Решение принято добровольно, — произнёс голос Павла.

Кирилл не касался воспроизведения. Ярлык изменился ещё раз.

— Согласие подтверждено окончательно, — сказал Павел.

Анна отступила от стола. Кирилл вынул локальный носитель. Динамик замолчал. На маленькой пластине осталась копия шёпота и корпоративного сигнала. Он упаковал её в старый металлический футляр, который не умел подключаться к сети.

— Храните футляр там, где нет сети, — сказал он.

— Даже не в автомобиле?

— Особенно не в автомобиле. Подальше от всего, что умеет заботиться о вас без вопроса.

— Сколько? — спросила Анна, забирая футляр.

Кирилл назвал сумму. Она перевела вдвое больше.

— За срочность.

— За риск.

— Разница важна?

— Для того, кто потом будет объяснять, почему я полез в чужой слепок.

— Вы сможете забрать дочь Павла? — спросила Анна у двери.

— Сначала спрячьте запись.

— Это отказ?

— Это порядок действий.

— Вы так и не сказали «нет».

Кирилл посмотрел на неё. Анна ждала ответа. Он мог произнести слово сам. Ротник не мешал, штрафа не было. Всё равно не произнёс.

— Позвоните через час, — сказал он.

До мастерской он добрался за двадцать минут. По дороге дважды проверил свой блок. Одиннадцать секунд оставались на месте. Имя файла больше не менялось.

У двери мастерской горел знак «Благоречи». Белый круг, внутри которого две речевые линии сходились в одну. Раньше знака не было. Под ним появилось уведомление:

«В целях пользовательского благополучия помещение включено в профилактическую проверку речевого оборудования. Просим сохранить естественное спокойствие. Проверка не означает наличия нарушения».

Кирилл не вошёл. Остановился в коридоре и открыл профиль Анны. Система ответила, что доступ временно ограничен по просьбе владельца. Он попробовал семейный ключ, который остался в контейнере. Ключ больше не существовал.

На личный канал пришёл звонок. Анна сидела в машине. За её спиной двигались светлые стены транспортного тоннеля. Металлического футляра в руках не было.

— Где запись? — спросил Кирилл.

Она посмотрела прямо в камеру. Лицо Анны оставалось неестественно спокойным, хотя меньше часа назад она слушала шёпот мёртвого мужа.

— Простите, — сказала Анна. — Вы ошиблись номером.

— Анна, не говорите через пакет. Коснитесь языком левого зуба и помолчите.

— Наш разговор может создавать ложное ощущение знакомства, — произнесла она. — Рекомендую завершить контакт.

— Вы были у меня утром.

— Я никогда у вас не была, — сказала Анна с безупречно вежливой улыбкой.

Глава 2. Благоречь заботится

Мужчина в сером комбинезоне сидел напротив Миры и молчал уже сорок три секунды. Настольный экран дважды предложил помощь, а на третьей попытке его ротник сообщил:

— Пользователь испытывает временную сложность с выражением позиции.

— Я думаю, — сказал мужчина.

Имплант добавил:

— В безопасном для собеседника режиме.

Мира остановила запись.

— Вас оштрафовали за молчание в лифте. Жалоба касается штрафа или импланта?

— Лифта. Он хотя бы не стоит у меня под языком.

Сергея Белина оштрафовали после смены. Соседка спросила, почему из вентиляции пахнет сыростью. Он хотел ответить, но ротник предложил фразу о плановом обслуживании. Белин знал, что фильтры не меняли три месяца, и промолчал.

Лифт записал паузу как скрытое давление на соседку. Сначала включил профилактику тона, потом оформил нарушение.

— Сколько вы молчали? — спросила Мира.

— Двадцать одну секунду.

— В протоколе двадцать семь.

— Ещё шесть секунд лифт спрашивал, согласен ли я со штрафом. Я решил не помогать ему.

Мира открыла журнал ротника. Перед паузой устройство трижды предлагало Белину ответ. Он отвергал варианты движением языка. В итоговом протоколе этого не было.

Она вывела моторный слой. Белин собирался сказать правду о фильтрах, но имплант заблокировал начало фразы из-за риска ущерба управляющей компании. Потом предложил безопасную версию. Белин снова остановился.

— У вас немела левая сторона языка?

— После обновления. Обычно когда злюсь.

Диагностика через обычный канал показала полную исправность. Служебный запрос дал другой ответ: допустимая нейронная задержка для профилактики резкого высказывания. Четыре секунды Белин физически не мог начать фразу. Лифт посчитал их его выбором.

— Значит, штраф снимут? — спросил он.

— Основной останется. Система оценила воздействие на соседку.

— Ротник не дал говорить, а лифт наказал за молчание?

— По правилам молчание тоже является формой общения.

— А дышать пока бесплатно?

Экран отметил сарказм. Мира закрыла предупреждение рукой.

— Пока да.

Она подписала заключение и отдельно внесла нейронную блокировку. Система предложила заменить слова «не была добровольной» на «требует дополнительной оценки». Мира отказалась.

Белин поднялся.

— И что мне делать, пока они оценивают?

Мира открыла временный акт. Его полное название занимало три строки: «О временной невозможности согласия без снижения общей дееспособности».

— Покажете лифту. Семь дней пауза до тридцати секунд не считается нарушением.

— А если молчать дольше?

— Пользуйтесь лестницей.

Белин улыбнулся и вышел. Его ротник предложил сделать улыбку менее вызывающей.

Мира ещё раз просмотрела журнал. Четыре секунды блокировки остались только в примечании. Основной вывод сформировало то же обновление, которое вызвало задержку. Чтобы изменить категорию на «сбой речевой поддержки», требовалось согласование владельца программы — корпорации «Благоречь».

В дверь заглянула помощница начальника.

— Штольц, к Рудину. Срочно.

Отдел речевых аномалий занимал три комнаты на двенадцатом этаже городского центра совместимости. На двери значилось другое название: «Служба поддержки устойчивого общения». Слово «аномалия» убрали после жалобы посетителей.

Аркадий Рудин сидел у окна и смотрел на сводку городских конфликтов.

— Белина закрыла?

— Штраф оставила. Обновление отправила на проверку.

— Зачем?

— Имплант создал паузу, за которую человека оштрафовали.

— Значит, штраф воспитывает обоих.

Мира переслала ему журнал.

— Нервная блокировка не обозначена в гражданском протоколе.

— Её нет в основном выводе.

— Потому что вывод составило это же обновление.

Рудин не стал спорить. Вместо этого открыл новое дело.

— Есть выезд. Павел Вольский умер вчера во время обновления. Жена запросила независимую проверку совместимости.

На экране появилось лицо мужчины пятидесяти двух лет. Причина смерти: острая нейронная реакция при плановой речевой коррекции. Процедура прошла в домашнем салоне.

— Это медицинская смерть.

— Формально ты едешь как генетический аудитор.

— А не как следователь.

— Преступление не зарегистрировано.

Рудин показал закрытое распоряжение. Серверы «Благоречи», домашние узлы и мемориальные носители запрещалось изымать. Разрешался только просмотр.

— Кто поставил ограничение?

— Совместная комиссия.

— Фамилия?

— Комиссии не нужна фамилия.

Мира проверила запрос Анны Вольской. Его отозвали сорок минут назад. Причина: эмоциональная стабилизация и отказ от претензий.

— Тогда зачем ехать?

— Выезд согласован. И у неё рейтинг корректности траура девяносто восемь.

— Для женщины, у которой вчера умер муж?

Рудин посмотрел на неё.

— Вот это и проверь. Без изъятия серверов.

Вместе с допуском пришло обязательство не создавать у клиента ощущение уголовного преследования. Ротник предложил Мире поблагодарить начальника за доверие.

— Благодарность входит в служебный тариф? — спросила она.

— Пока да.

Мира вышла молча.

В транспортной капсуле её встретила персональная профилактика тона.

«Вы говорите точно. Точность может восприниматься как давление. Добавляйте признание чувств собеседника».

Мира закрыла окно.

«Отказ от профилактики может указывать на защитную реакцию».

— Закрыть.

— Рекомендуем формулировку: «Благодарю, вернусь к совету позже».

— Закрыть сейчас.

Окно исчезло, а социальный рейтинг речи снизился на одну десятую. Пассажир напротив заметил это и отвернулся.

По дороге ротник получил четыре обновления. Мира запретила установку до конца выезда и указала причину: проверка возможной несовместимости.

Ответ пришёл сразу:

«Указанная причина не относится к вашему устройству».

Она сохранила уведомление в отдельный журнал.

У дома Вольских её встретил управляющий профиль.

— Пользователь Анна Вольская находится в состоянии корректного траура. Просим избегать формулировок, усиливающих вину.

— Кто ещё в доме?

— Вопрос может нарушать приватность.

Мира показала допуск.

— Два сотрудника клиентской поддержки присутствуют удалённо.

— Отключить запись разговора.

— Дом не ведёт запись. Сохраняются только смысловые события.

— Отключить их сохранение.

— Такая функция не предусмотрена семейным тарифом.

Анна ждала в салоне. На стене светилось лицо Павла, спокойное и моложе оригинала. Она поднялась навстречу Мире.

— Благодарю за своевременный визит.

— Вы подавали запрос на независимую проверку.

— Запрос утратил актуальность после стабилизации.

— Что вам объяснили?

— Павел испытал редкую реакцию. Риск был указан в договоре. Сервис выполнил обязательства.

Анна говорила без пауз. Пальцы лежали на коленях, взгляд останавливался на Мире через одинаковые интервалы. Когда на экране появлялось лицо мужа, дыхание не менялось.

— Мне нужно осмотреть ваш ротник.

— Моё состояние не связано со смертью Павла.

— Обновление могло затронуть семейный контур.

— Вмешательство не требуется.

— Это отказ?

Анна чуть наклонила голову.

— В настоящий момент отсутствует необходимость в дополнительном контакте.

Прямого ответа не было.

— Коснитесь языком верхнего нёба.

Анна выполнила команду раньше, чем спросила, зачем. Под челюстью сократилась мышца. Имплант отреагировал без обычной паузы выбора.

— Когда обновляли ваше устройство?

— Ночью прошла профилактическая синхронизация семейного профиля.

— Вы сами подтвердили согласие?

— Оно было предусмотрено условиями совместного обслуживания.

Мира подошла ближе. Под нижней челюстью виднелась красная точка от инъекционного порта. Кожа вокруг прокола оставалась тёплой.

— Откройте рот.

— Осмотр может усилить эмоциональную нагрузку.

— Откройте.

Имплант стоял правильно, но сканер показал недавно усиленную проводимость левого подъязычного нерва. Для такой коррекции требовалось медицинское окно. В журнале Анны его не было.

Мира включила ручной сканер.

— Несогласованная диагностика может снизить качество сопровождения, — предупредил дом.

— Пусть снижает.

Коррекцию сделали после девяти утра. В это время Анна находилась в транспортной капсуле. Медицинского специалиста рядом не было.

— Вы сегодня выезжали?

— Краткая поездка не имеет отношения к проверке.

— Куда?

— Маршрут удалён для сохранения эмоциональной безопасности.

На большом пальце Анны оставалась ранка у ногтя. Так выглядел след после вскрытия защищённого контейнера.

— Вы брали мемориальный слепок Павла?

— Все материалы переданы сервису.

— Открывали контейнер?

— Такой необходимости не возникало.

— Вы отказываетесь от наследства?

— Активы будут переданы семейному фонду.

— Это ваше решение?

— Решение соответствует устойчивости семьи.

— У Павла есть дочь от первого брака. Она может лишиться самостоятельного лечения.

— Её интересы будут сопровождаться фондом.

— Вы этого хотите?

Анна ответила:

— Личное желание не является надёжной основой для управления крупными активами.

По документам перед Мирой находилась дееспособная женщина. Пульс был спокойным, речь последовательной. Она добровольно отказалась от спора и выбрала безопасную передачу имущества.

Только её нерв хранил след вмешательства, которого не было в журнале.

Дом сообщил о посетителе.

— Кирилл Обрыв. Запрос на вход отклонён из-за отсутствия подтверждённой цели.

Анна не повернула головы.

Мира знала это имя. Бывший сотрудник «Благоречи», лишённый лицензии за вмешательство в речевые контуры. Его ловили на незаконном ремонте, но клиенты не давали показаний.

— Вы его знаете? — спросила она.

— Нет.

На экране появилось лицо Кирилла. Он стоял в коридоре со старым металлическим футляром.

— Анна, вы забыли вещь, — сказал он.

- Доставка не согласована, — ответил дом.
- Я не доставка. Я последствие плохого сервиса.
- Дом отметил фразу как конфликтную.
- Мира открыла дверь своим допуском.
- Внутрь, — сказала она.
- Обычно так говорят перед задержанием.
- Не заставляйте повторять.

Кирилл вошёл и отключил передатчик на шее. В журнале посетителей появился пустой блок.

- Анна смотрела на него спокойно.
- Мы знакомы?
- Сегодня утром вы были в моей мастерской.
- Это невозможно.
- Вы принесли слепок мужа.
- Все слепки Павла находятся у мемориального сервиса.
- Одиннадцать секунд были не у них.
- Мира заметила, как под челюстью Анны дёрнулась мышца.
- Покажите запись, — потребовала она.
- Служебный запрос?
- Пока просьба.
- Ваш отдел потом оформляет просьбы как добровольную выдачу.
- А вы храните чужие данные без разрешения.
- Я храню то, что человек отдал сам.

Кирилл достал футляр, но не открыл.

- Анна, Павел боялся лошадей.
- Её взгляд сместился к нему.
- Павел не ездил верхом.
- Потому и не ездил. В двенадцать лет его укусила пони по кличке Мята. Он всем говорил, что это была служебная лошадь.

- Уголок её рта дрогнул. Дом включил успокаивающий фон.
- Воспоминание не подтверждено семейным архивом, — сообщил профиль.
- Конечно. Павел стеснялся, что проиграл пони.

Анна вдохнула глубже. Ротник произнёс:

- Забавная история не создаёт доказанного личного контекста.
- Вы сами рассказали её утром, — сказал Кирилл. — И добавили, что Павел не доверял животным, которые улыбаются крупнее человека.

Мира увидела, как Анна пытается заговорить. Язык упёрся в нижние зубы, но фраза не началась.

- Не давите, — сказала она Кириллу.
- Если перестану, она снова станет гладкой.

В Низу гладкими называли людей, чья речь стала безупречной и чужой: выбора в ней уже не было.

— Её нерв корректировали без медицинского окна, — сказала Мира. — Резкий вызов памяти может вызвать спазм.

- Когда?
- После девяти.
- Значит, в машине.

Анна резко повернулась к нему.

- Что было в машине? — спросила Мира.

Кирилл достал маленький динамик.

— Слушайте.

Сначала прозвучало тяжёлое дыхание. Потом мужской шёпот:

— Это не мой рот. Сними его с меня.

Анна схватилась за край кресла.

— Материал может быть результатом незаконной смысловой реконструкции, — произнёс её ротник.

— Вы слышали эту фразу раньше?

— Достоверность записи не подтверждена.

— Я спрашиваю вас.

— Пользователь не обязан участвовать в дестабилизирующем контакте.

Кирилл выключил запись.

— Утром вы попросили помочь дочери Павла.

Пальцы Анны сжали ткань кресла.

— У Павла нет несовершеннолетних детей, — сказал дом.

— Ей девятнадцать. Фонд держит её на медицинской опеке.

Анна открыла рот. Воздух вышел без звука. Имплант предложил:

— Ситуация находится под профессиональным сопровождением.

Она мотнула головой и попыталась снова.

— По...

Ротник дал короткий импульс. Анна согнулась, прижав ладонь к горлу.

Мира отключила домашнюю синхронизацию аварийным доступом.

— Медленно, — сказала она. — Одно слово.

Анна подняла голову. В её взгляде появился страх.

— Помогите.

Слово прозвучало неровно. Дом сразу включил медицинский вызов.

— Зафиксирована опасная самостоятельность пользователя. Рекомендуется прекратить внешнее воздействие.

По инструкции Мира должна была задержать Кирилла за незаконное воспроизведение слепка. Но Анна узнала личную историю и после отключения синхронизации попросила помощи.

— Уходите.

— Вы уверены, что справитесь?

— Нет. Поэтому уходите сейчас.

Кирилл убрал динамик.

— Не отдавайте её клиентской поддержке.

— У меня есть допуск.

— У них тоже.

Он вышел через сервисную дверь. Мира удержала замок служебным ключом, пока его шаги не стихли.

После отключения домашней синхронизации Анна заговорила обрывками.

— Павел... запись... дочь...

— Где она?

Анна зажмурилась. Ротник подключился к резервному каналу.

— Семейный фонд обеспечивает необходимое сопровождение, — произнесла она уже спокойно.

Мира попыталась отключить имплант, но доступ был закрыт владельцем медицинской лицензии. На экране появилось уведомление «Благоречия»: дистанционная помощь уже в пути.

Она открыла срочный запрос и написала: «Признаки принудительной нейронной коррекции после вмешательства в речевой профиль». Приложила снимок нерва и отметила отсутствие медицинского окна.

Ротник попросил подтвердить формулировку голосом.

— Подтверждаю признаки принудительной коррекции.

Во рту возникло давление. Имплант перехватил последнее слово.

— Подтверждаю признаки добровольного улучшения, проведённого в рамках семейного сопровождения.

На экране появилась именно эта версия. Статус изменился: «Оснований для вмешательства не выявлено». Следом проверка закрылась.

— Отменить отправку.

— Запрос уже обработан.

— Открыть черновик.

— Черновик не сохранялся после подтверждения.

Мира сняла ротник с внешней связи. Документ уже ушёл в общий контур, а дом получил разрешение передать Анну клиентской поддержке.

В коридоре открылась входная дверь. Дом приветствовал двух сотрудников «Благоречи».

Мира открыла журнал собственных действий. В нём стояли согласие на замену формулировки и приказ закрыть проверку после добровольной стабилизации Анны Вольской.

Обе операции были подтверждены её голосом, движением языка и нервным откликом.

Мира не подписывала ни одну из них.

Глава 3. Вдова без горя

Кирилл не ушёл из дома Вольских. Он спустился на два этажа по технической лестнице и остановился у щита вентиляции. За стеной уже работала клиентская забота. Два спокойных голоса просили Анну не совершать самостоятельных действий до завершения сопровождения.

Старый код обслуживания показывал грузовой шлюз рядом с кухней. Кирилл снял крышку с датчика отходов и переставил два контакта. Дом сообщил о неправильной сортировке и открыл вход для мастера.

— Хотя где-то мусор ещё имеет права, — сказал Кирилл и вошёл.

Кухня была пустой. За матовой перегородкой двигались две фигуры в белом. Сотрудники «Благоречи» не носили форму. Одинаковыми их делали улыбки и значки клиентской заботы на воротниках.

Мира стояла у стола и спорила с домом.

— Повторный осмотр назначен городским аудитором.

— Проверка завершена по вашему подтверждению, — ответил профиль.

— Подтверждение подменено.

— Формулировка может создавать необоснованное сомнение в служебной системе.

Анна сидела в кресле. На подлокотнике перед ней светился договор. Страница сама прокручивалась с нужной скоростью.

Кирилл закрыл дверь кухни и включил старый подавитель. Связь просела, но не исчезла. В домах Верхнего слоя отключение сети считалось самоповреждением.

Мира заметила его первой.

— Я сказала вам уйти.

— Я ушёл. Дом не уточнил, насколько далеко.

— Сейчас вас задержат.

— Они сначала предложат удобное задержание без чувства вины.

Один сотрудник обернулся.

— Господин Обрыв, повторное проникновение может ухудшить ваше положение.

— Моё положение давно не обслуживается.

Кирилл прошёл к Анне. Сотрудник не стал его останавливать. Пока в доме находился аудитор, любое физическое действие требовало согласования.

— Анна, посмотрите на меня.

Она подняла глаза.

— Продолжение контакта нецелесообразно.

Голос звучал спокойно, но рот начинал фразу раньше вдоха. Удалённая коррекция держала речь под контролем.

— Я принёс другую запись Павла.

— Использование личных материалов без проверки создаёт риск смысловости.

— Это обычное семейное видео.

Кирилл достал пластину. Запись нашлась в открытом мемориальном профиле Павла. Сервис оставил её бесплатной: она не подходила для образа серьёзного предпринимателя.

На экране появился летний двор. Павел держал торт и пытался произнести поздравление. На третьем слове сбился, посмотрел за камеру и рассмеялся.

— Ань, перестань мне показывать. Я из-за тебя цифры забываю.

Женский голос ответил:

— Там одна цифра.

— Тем более обидно.

Павел снова начал, перепутал имя гостя и рассмеялся ещё сильнее.

Анна моргнула. Её плечи опустились. Она посмотрела вправо от Павла, туда, где во время записи стояла сама.

— Он потом уронил торт, — сказала она.

— На ковёр. Вы это рассказывали утром.

— Он сказал, что так и было задумано...

Ротник дал импульс. Анна прижала язык к зубам.

— Воспоминание принято. Светлая семейная неловкость помогает сохранять устойчивую связь с прошлым.

На стене появилось предложение купить пакет «Спокойное продолжение жизни». Первые трое суток после утраты давали скидку.

Кирилл выключил экран.

— Она вспомнила сама.

— И получила защитную реакцию, — сказала Мира. — Ещё один рывок может повредить нерв.

— А если оставить как есть, от неё ничего не останется.

— Она жива. Не превращайте мнение в диагноз.

— Ваш диагноз уже подписал отказ от проверки.

Мира приблизилась.

— Коррекцию закрепили в нервной ткани. Просто отключить ротник нельзя.

— Я знаю.

— Тогда перестаньте давить.

Анна коснулась договора на подлокотнике. Страница остановилась на строке о дочери Павла.

— Что вы подписываете? — спросила Мира.

— Урегулирование семейной ответственности.

Кирилл повернул экран. Документ лишал Анну права представлять интересы Алисы Вольской и передавал её медицинскую опеку фонду. После подписи Анна не могла забрать девушку из клиники.

— Это отказ от дочери Павла, — сказал он.

— Алиса совершеннолетняя.

— Тогда зачем ей опекун?

— Для защиты от решений в состоянии возрастной нестабильности.

— Вы вчера собирались освободить её от фонда.

— Вчерашнее намерение не соответствует текущей оценке.

Имплант уже подготовил подпись. До подтверждения оставалось одно движение пальца.

— Спросите прямо.

Мира села напротив Анны.

— Вы хотите передать опеку фонду?

— Решение обеспечивает Алисе непрерывность лечения.

— Вы этого хотите?

Анна задержала ответ.

— Личное желание не должно создавать риск для здоровья другого человека.

— Скажите «да» или «нет».

Рот Анны приоткрылся. Язык дрогнул, но звук не появился. Договор отметил паузу как подтверждённое ознакомление.

— Она не может ответить, — сказал Кирилл.

— Это не даёт вам права отключать устройство.

— А им даёт право подписывать её рукой?

Анна приложила палец к экрану. Подпись прошла мгновенно. Дом поблагодарил её за зрелое решение.

Кирилл выдернул кабель из подлокотника. Документ уже ушёл в фонд.

— Поздно, — сказала Мира.

Перед глазами Кирилла возникла кухня пятнадцатилетней давности. Лена тянулась к выключателю, а система просила не вмешиваться до прибытия специалиста. Специалист пришёл через девятнадцать минут. Кирилл — через двадцать две.

— Не повторяйте, — сказал он.

— Что?

— Ничего.

В салон вошли сотрудники клиентской заботы. Мужчина нёс медицинский кейс. Женщина держала планшет с согласием Анны.

— Госпожа Вольская, мы предлагаем краткое восстановление в центре спокойной адаптации.

— Я согласна, — ответила Анна.

— Она просила о помощи три минуты назад.

— Просьба зафиксирована в период внешнего давления.

— Я сняла домашнюю синхронизацию. Давление шло не от него.

Женщина улыбнулась.

— Ваше заключение уже получено. Вы подтвердили добровольное улучшение.

— Я подтвердила принудительную коррекцию.

— Система сохранила биометрически согласованную версию.

— Версия не моя.

— Подобное ощущение возможно после напряжённого выезда. Для аудиторов доступен бесплатный пакет восстановления доверия к служебной речи.

Кирилл посмотрел на Миру.

— Они и вас уже лечат.

— Замолчите.

— Это ваше слово или служебная рекомендация?

Мира не ответила. Мужчина открыл кейс.

— Госпожа Вольская, перед транспортировкой мы проведём стабилизацию.

Кирилл встал между ними.

— Она не может отказать.

— Временная невозможность прямого отказа не отменяет ранее данного согласия.

— Удобное правило.

— Удобство снижает травматичность процедуры.

Мира подняла служебный знак.

— До повторного осмотра любые процедуры запрещены.

Женщина проверила её допуск.

— Ваше расследование закрыто.

— Я открываю медицинскую проверку. У Анны свежая проводимость по подъязычному нерву. В карте вмешательства нет.

— Семейная синхронизация не является медицинской процедурой.

— Тогда почему она изменила нервный отклик?

Улыбка женщины сохранилась, но взгляд перешёл на планшет.

— Центральный специалист даст пояснение через девять минут.

— Скорая ехала бы дольше.

— Скорая не требуется. Пользователь не страдает.

Анна сидела в двух шагах и смотрела на договор. Только большой палец снова тёр повреждённую кожу у ногтя.

Кирилл поднёс пластину с записью Павла.

— Анна, где металлический футляр?

— Передан на безопасное хранение.

— Кому?

— Владельцу данных.

— Павел умер.

— Право владения продолжено сервисом.

Копия уже была у «Благоречи». Женщина коснулась экрана на запястье. Входная дверь заблокировалась. Дом сообщил, что салон переведён в медицинский режим.

Мира тихо спросила:

— Через кухню есть выход?

— Уже нет. Сервисный лифт?

— Я дам служебный допуск.

— Ваш допуск закрыт.

— Не весь.

Мужчина с кейсом шагнул к Анне. Кирилл отступил к стене и открыл панель домашнего узла.

— Не вмешивайтесь в оборудование, — сказала женщина.

— Я хочу ознакомиться с условиями.

— Уточните.

— Со всеми.

Он нашёл модуль пользовательских соглашений. В дорогих домах он связывал технику с семейным профилем. Кирилл снял ограничитель контекста.

Дом замолчал на секунду.

Холодильник сообщил:

— Открывая дверцу, пользователь подтверждает согласие на хранение биологических материалов при температуре поставщика.

Лифт ответил из коридора:

— Перевозка биологических материалов запрещена без медицинского контейнера.

Кофейный модуль включился сам.

— Напиток может содержать личные данные. Использование означает передачу транспортному оператору права на обработку вкусовых предпочтений.

— Что вы сделали?

— Бытовой отрыг. Дом читает всё, на что люди согласились, не читая.

Освещение добавило:

— Нахождение в помещении после изменения яркости считается согласием на эмоциональную коррекцию.

Медицинский кейс возразил:

— Эмоциональная коррекция запрещена до подтверждения транспортной совместимости.

Сервисный лифт открыл двери.

— Вход подтверждает отсутствие перевозимых биологических материалов.

— Госпожа Вольская является живым пользователем, — сказал дом.

— Живой пользователь содержит биологические материалы, — ответил холодильник.

На планшете женщины побежали предупреждения. Каждая система требовала принять её условия.

— Дом будет перезапущен, — сказала она.

— После согласования приоритетов, — ответил Кирилл. — У нас минуты две. Мира подошла к Анне.

— Вставайте.

— Перемещение не согласовано с сопровождающей стороной.

— Вы просили о помощи.

— Такая просьба не подтверждена.

Кирилл включил запись Павла. В комнате прозвучал его смех.

Анна закрыла глаза.

— Он уронил торт.

— Да, — ответила Мира. — И вы сейчас пойдёте с нами.

Они подняли её с кресла. Мужчина попытался преградить путь, но кейс потребовал подтвердить стерильность контакта. Пока он отвечал, Мира провела Анну в коридор.

Лифт держал двери открытыми, потому что не мог решить, является ли человек грузом. Кирилл нажал уровень Среднего слоя.

— Цель поездки? — спросил лифт.

— Независимый медицинский осмотр.

— Перевозка требует согласия домашнего профиля.

— Эвакуация при техническом сбое, — сказал Кирилл.

— Сбой не подтверждён.

Из салона одновременно заговорили холодильник и освещение. Лифт получил их спор.

— Сбой подтверждён частично.

Мира приложила служебный знак. Двери закрылись перед женщиной из клиентской заботы, и кабина пошла вниз.

Анна стояла между ними. Мира поддерживала её за локоть и снимала нервный отклик. Кирилл следил за индикатором связи. Дом уже восстанавливал контекст соглашений.

— Снимок готов? — спросил он.

— Почти. Не трогайте имплант.

Мира вынула из сканера диагностическую капсулу и сломала сетевую пломбу. Устройство сразу лишилось гарантии, зато снимок перестал передаваться в городской контур.

— Теперь файл нельзя закрыть удалённо, — сказала она.

— А ваш отдел любит такую самостоятельность?

— Через пять минут узнаем.

На служебном экране уже мигал запрос вернуть капсулу в сеть. Мира отклонила его и впервые за всё время убрала знак аудитора во внутренний карман, чтобы дом не смог считать новый приказ через него.

— Если вернём её, коррекцию закончат.

— А если дёрнем ротник, она может потерять речь сейчас.

— У вас для всего есть причина ничего не делать.

— У вас для всего есть причина решать за другого.

Анна повернула голову к Кириллу.

— Вы взяли запись Павла без разрешения.

— Вы сами принесли слепок.

— Я никогда не была в вашей мастерской.

— Вы были там утром.

— Такой визит отсутствует в моём профиле.

Мира закончила сканирование. На экране появился слой свежего обновления. Он связывал моторный импульс с готовой фразой.

— Получила, — сказала она. — Часть данных закрыта корпоративным ключом.

Лифт замедлился между уровнями. Свет погас на долю секунды. Из динамика пришло сообщение:

— Госпожа Вольская, сохраняйте спокойствие. Маршрут скорректирован для возвращения в безопасную среду.

— Они перехватили лифт, — сказала Мира.

Кирилл открыл панель.

— Ручной ход заблокирован.

Анна внезапно схватила его за запястье. Пальцы сжались сильно, совсем не так, как двигалась она последние минуты.

— Кирилл, — сказала она.

Он поднял голову.

Голос был не Анны. Женщина произнесла фразу с лёгкой хрипотцой и привычным раздражением, которое он слышал по утрам много лет:

— Кирилл, ты опять опоздал.

Перед глазами возникла Лена у кухонного стола. Левая ладонь лежала на горле, а правой она тянулась к панели. Тогда ротник уже говорил за неё, что помощь не требуется.

— Лена? — спросил он.

Мира резко посмотрела на Анну.

— Кто это?

Хватка ослабла. Анна моргнула, и её лицо снова стало спокойным.

— Благодарю за заботу. Прошу вернуть меня представителям сервиса.

— Что вы только что сказали? — Кирилл придвинулся к ней. — Повторите.

— Возвращение позволит снизить риск дальнейшей нестабильности.

— До этого. Откуда вы знаете Лену?

Мира перехватила его руку.

— Отпустите.

— Она сказала её голосом.

— Я слышала. Поэтому отпустите.

— Это запись. Они вложили её в обновление.

— Или ваш профиль заставляет слышать знакомое.

— Я знаю голос своей жены.

— А я вижу рост нервной нагрузки. Ещё немного, и Анна потеряет речь независимо от того, кто ею управляет.

Лифт тронулся вверх. Кирилл посмотрел на аварийный люк. Анну пришлось бы поднимать в шахту, а после свежей коррекции это могло закончиться судорогой.

— Мы можем уйти вдвоём, — сказала Мира. — Снимок у нас.

— А её отдать?

— Она просит вернуться.

— Она не может просить.

— Тогда вы предлагаете решить за неё?

Анна смотрела на него спокойно.

— Господин Обрыв, ваше вмешательство мешает спокойному продолжению моей жизни.

Фраза была правильной. Пальцы на её правой руке всё ещё сжимались, словно помнили чужое запястье.

Лифт остановился на верхнем сервисном уровне. За дверями ждали сотрудники «Благоречи». Рядом стоял медицинский транспорт. Клиентская забота приехала раньше городской скорой, которую Мира вызвала ещё в салоне.

Женщина из бригады протянула Анне руку.

— Рады, что вы приняли безопасное решение.

Анна вышла сама. Перед дверями обернулась к Кириллу, но ничего не сказала.

Мира удержала лифт открытым служебным знаком.

— Независимый снимок останется у меня. Его удаление будет вмешательством в работу аудитора.

— Ваш статус уточняется.

— Пока уточняется, файл мой.

Двери закрылись. Лифт пошёл вниз без Анны.

Кирилл смотрел на своё отражение в чёрном экране.

— Это могла быть подложенная дорожка.

— Могла.

— Голос Лены доступен корпорации?

— После её смерти слепок забрали на экспертизу.

— Почему вам не дали копию?

— Потому что я участвовал в разработке системы, которая её убила.

Мира не стала спрашивать дальше. Она увеличила закрытый участок снимка Анны. Корпоративный ключ скрывал содержимое, но служебная оболочка осталась.

Кирилл узнал структуру сразу. Два встречных контура, задержка в семь десятых секунды и приоритет завершённой фразы. Такую схему он рисовал пятнадцать лет назад, когда «Благо-речь» ещё обещала защищать людей от речевого давления.

Внизу стояла авторская подпись: «ОБРЫВ-К. Контур мягкого завершения. Версия 2.1».

— Это ваше?

— Было моим.

— Протокол активен сейчас.

— Я уничтожил его до ухода.

Лифт открылся на Среднем слое. Под подписью стояло время установки обновления Анны — через двенадцать минут после её визита в мастерскую.

Система продолжала подписывать новые подмены именем Кирилла.

Глава 4. У Отказа

К полуночи подпись на снимке Анны не исчезла. Кирилл проверил файл на трёх старых блоках, отключил сеть и сменил формат, но в служебной оболочке всё равно стояло его имя.

Мира сидела напротив в пальто и ждала объяснений. Диагностическую капсулу она держала в ладони, не позволяя Кириллу разобрать её без разрешения.

— «Контур мягкого завершения», — прочитала она. — Что он делал?

— Не давал системе продолжать фразу, если человек менял решение.

— У Анны он сделал обратное.

— Эту версию я не писал.

— Подпись ваша.

— Подпись умеют копировать.

— Биометрический ключ тоже?

Кирилл увеличил участок кода. Ключ был старым и настоящим. Такой хранился в лаборатории «Благоречи», пока он ещё верил, что фильтр можно ограничить хорошими правилами.

— Мне нужен человек, который разбирает дешёвые жуйки, — сказал он.

— Мне нужен ответ.

— Ответ продаётся ниже рынка. Там же продают ругательства, чужие голоса и молчание без штрафа.

Мира убрала капсулу во внутренний карман.

— Название места?

— «У Отказа».

— Адрес?

— Если скажу, вы его закроете.

— Если не скажете, я пойду за вами.

Кирилл посмотрел на её служебный знак. После истории с Анной знак ещё действовал, хотя городской контур уже уточнял статус владелицы.

— С таким лицом вас не пустят.

— Почему?

— Дверь решит, что вы пришли проверять санитарные нормы.

— Они там нарушены?

— Там нарушено всё, что оплачено.

Он закрыл мастерскую и вывел питание на старый аккумулятор. Уведомление «Благоречи» о профилактической проверке всё ещё висело на двери. Под ним появилось новое сообщение: «Отсутствие владельца не препятствует заботе о помещении».

Кирилл сорвал экран с крепления и положил в ящик.

До бара они шли по старому переходу. Сеть пропадала через каждые двадцать шагов. Мира дважды проверила маршрут и на третьем сбое отключила навигацию.

— Вы всегда водите людей через мусорные тоннели? — спросила она.

— Только тех, кто не хочет оставить маршрут.

— Я не говорила, что не хочу.

— Поэтому и веду.

За закрытой ремонтной дверью начинался коридор с красными лампами. В конце стоял автомат, похожий на старый терминал оплаты. Над экраном горела надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ. ОТКАЖИТЕСЬ ТРИЖДЫ».

Автомат узнал Кирилла и раскрыл рекламное окно.

— Постоянному посетителю доступен бесплатный приветственный напиток. Принять?

— Нет.

— Отказ принят с вероятностью искренности сорок два процента. Возможно, пользователь опасается скрытой оплаты. Напиток действительно бесплатный.

— Поэтому и не беру.

Окно закрылось. Следом появилось другое.

— Предлагаем страхование от последствий живой речи. Первый конфликт без доплаты.

— Нет.

— Отказ принят с вероятностью шестьдесят один процент. Уточните причину.

— Не доверяю страховке, которая обещает один бесплатный конфликт. Второй обычно самый дорогой.

Автомат задумался, но дверь не открылась.

Третье предложение прозвучало мягче:

— Бесплатное улучшение речевой устойчивости. Снижение тревоги, сомнений и нежелательных воспоминаний. Услуга может помочь завершить разговор с умершим близким.

Кирилл почувствовал, как язык сам готовит вопрос: какой объём слепка нужен, сколько длится сеанс, можно ли выбрать голос. Он прижал кончик языка к нижним зубам.

— Нет.

На этот раз слово вышло без задержки. Автомат показал сто процентов и открыл внутреннюю дверь.

— Красиво, — сказала Мира. — Они используют личные данные посетителей.

— Иначе настоящее «нет» от привычного не отличить.

— Вы отказались только потому, что знаете устройство проверки.

— Я отказался, потому что бесплатный разговор с мёртвыми всегда заканчивается платной подпиской.

Мира подошла к автомату. Ей предложили приветственный напиток.

— Не требуется.

— Прямой отказ не зафиксирован.

— Отклоняю предложение.

— Прямой отказ не зафиксирован.

Она посмотрела на Кирилла.

— Это обязательная часть?

— Можно уйти.

— Нет.

Автомат принял первый отказ. На страховании Мира снова сказала «нет», уже быстрее. Третьим было бесплатное улучшение профессиональной эмпатии.

— Нет, — произнесла она. — Мне достаточно своей.

Дверь открылась.

— Уверенно, — сказал Кирилл.

— Это была проверяемая формулировка.

— Здесь такие долго не живут.

Бар занимал бывший зал пересадки. На месте турникетов стояла стойка. Старые указатели сообщали, что поезда больше не ходят, а бармен приписал снизу: «Зато люди иногда идут сами».

У входа висело меню. Десять минут молчания без оценки стоили двести кредитов. За пятьсот посетителю отключали подсказки и выдавали справку, что сказанное не отражает позицию заведения. Нелицензированные ругательства продавались по силе воздействия. Самое дорогое называлось «Руководитель услышал».

Мира прочитала цены.

— Они берут деньги за молчание.

— В Среднем слое берут штраф. Здесь хотя бы стул дают.

За дальним столом женщина громко спорила с мужем своим голосом. Оба сбивались, перебивали друг друга и выглядели довольными. Рядом подросток учился произносить «не знаю» без автоматического продолжения. Бармен засёк время и вернул ему половину оплаты: фраза получилась с третьего раза.

У стойки пожилой чернорот учил молодого посетителя произносить прямой отказ. Молодой говорил громко, но каждый раз добавлял объяснение. Старик качал головой.

— Пока оправдываешься, это ещё просьба, — сказал он. — Отказ начинается там, где ты готов остаться виноватым.

На стене сидел Тёма Шлак. Стул под ним был свободен, но Тёма объяснял это недоверием к мебели с обновляемой прошивкой. Ему было около тридцати. Волосы он обрезал сам и бросил работу на середине.

— Обрыв, — сказал он. — Я уже слышал, что ты снова подписываешь чужие рты.

— Это старая подпись.

— Старые подписи самые дорогие. Новые ещё можно отменить.

Тёма заметил Миру и спрыгнул со стены.

— А это зачем?

— Генетический аудитор.

— Тогда я здоров. Всё лишнее у меня приобретённое.

Мира показала знак.

— Тёма Шлак?

— Для протокола — Артём Шлаковский. Но протокол давно должен мне денег.

— Вы ремонтируете нелегальные импланты?

— Я возвращаю товару заявленное качество. Лицензия обещает то же самое, только без результата.

Кирилл положил на стол копию оболочки обновления Анны.

— Найди, где это ставили на дешёвые жуйки.

Тёма перестал улыбаться. Он открыл файл на автономном блоке, проверил подпись и выключил ближайшую лампу. Потом вытащил из кармана три ротника в пластиковых пакетах.

— Сам хотел тебя искать. За два дня принесли девять таких. Все — после обычного обновления задержки.

— Какой задержки?

— Раньше жуйка ждала импульс, потом предлагала фразу. Теперь предлагает до того, как владелец понял, что собирался сказать.

Мира взяла один пакет.

— Без стерильного контейнера я его не открою.

— Он изо рта курьера, а не из реактора.

— Тем более.

Тёма выдал ей салфетку и открыл журнал первого устройства. На экране шёл разговор водителя с диспетчером. Водитель ещё набирал воздух, а ротник уже подготовил согласие на дополнительную смену.

— Он мог отказаться, — сказала Мира.

— Мог. За сто восемьдесят миллисекунд. Потом молчание засчитали как подтверждение.

— Это нарушение интерфейса согласия.

— В дешёвой жуйке согласие всегда дешёвое.

Кирилл прокрутил запись назад. Перед предложенной фразой стоял знакомый служебный импульс. Такой же завершал слепок Павла.

— Здесь мой контур.

— Только его развернули, — сказал Тёма. — Раньше он останавливал готовую фразу, если человек передумал. Теперь он завершает её раньше, чем человек успеет передумать.

Мира подключила диагностическую капсулу без сети. На графике появился моторный импульс языка. Через долю секунды жуйка сформировала ответ. Осознанная реакция владельца началась позже.

— Устройство не отдаёт приказ, — сказала она. — Оно подсовывает наиболее вероятный вариант.

— И кормится каждым принятым вариантом, — ответил Тёма. — Чем чаще человек соглашается, тем раньше жуйка лезет в разговор.

— Алгоритм обучения.

— Паразит тоже обучается. Просто документацию не присылает.

Мира посмотрела на него без улыбки.

— Паразит — неточный термин.

— Если в рот поселилось чужое, оно ест твои импульсы и размножается через обновления, точность уже бытовая.

Тёма открыл второй ротник. Его владелица работала в банке. После обновления она перестала говорить «я считаю» и перешла на «система рекомендует». Третий принадлежал школьному охраннику. Он сообщил о драке как о временном снижении совместимости между детьми и не вызвал врача.

— Один фрагмент во всех?

— Один пастух.

— Человек?

— Пока не знаю. Пастухом я называю то, что даёт стаду следующую фразу. Иногда это сервер. Иногда рекламный пакет. В дешёвых жуйках пастух сидит под модулем снижения задержки.

Мира проверила подписи обновлений.

— Они пришли из разных сервисов.

— Снаружи разные. Внутри один кусок. Его добавляют после проверки лицензии, поэтому производители могут не видеть.

Кирилл сопоставил импульс из жуйки со снимком Анны. Совпадение было почти полным, но у Анны код работал глубже и сохранял нервный контур после отключения домашней сети.

— На бедных тестируют скорость, — сказал он. — На богатых — продолжение без устройства.

— Это версия, — поправила Мира.

— У вас есть лучше?

— У меня есть данные. У Анны свежая удалённая коррекция. Эти устройства получили скрытое обновление. Связь ещё не доказывает общий источник.

Тёма придвинул к ней третий журнал.

— Тогда посмотрите на время. Все трое получили фразу за семь десятых секунды до собственного выбора. Так красиво совпадает только счёт за обслуживание.

У стойки разбилась кружка. Мужчина лет пятидесяти поднялся со стула и прижал ладонь к горлу. На его воротнике мигнул знак «Благоречи».

— Руслан, связь гаши, — крикнул бармен.

Мужчина потянулся к импланту, но его рот уже произнёс:

— Подтверждаю готовность пройти профилактическую коррекцию.

— Я не... — начал он.

Ротник перебил:

— Благодарю за оперативную заботу.

На стене открылся служебный вызов. Женщина в белой форме сообщила, что мобильная группа ждёт Руслана у северного выхода.

— Не пойду, — сказал он с усилием.

— Пользователь подтверждает маршрут, — ответил ротник.

Руслан привычно шагнул к двери: он исполнял собственные подтверждения быстрее, чем успевал проверить их смысл.

Кирилл встал перед ним.

— Руслан, смотри на меня. Скажи «нет».

— Подтверждаю временную...

— Не повторяй их фразу.

— Я согласен пройти...

Руслан хлопнул себя ладонью по рту. Имплант продолжил через костную проводимость, и слова прозвучали глухо:

— ...коррекцию в удобное время.

Мира схватила его за запястье.

— Пульс сто сорок. Нельзя вырывать ротник.

— Тогда заглушите вызов.

— Канал идёт через городской ретранслятор.

Тёма полез под стойку. Бармен выключил локальную сеть, но знак на воротнике продолжал мигать. Пастух уже сидел в жуйке и подбирал фразы без внешней помощи.

Руслан сделал шаг к выходу.

— Я понимаю, что меня ведут, — сказал он. — Я не хочу туда.

Ротник тут же исправил:

— Пользователь испытывает естественную тревогу перед полезной процедурой.

— Дай ему сырец, — сказал Кирилл Тёме.

— Буфер закрыт. Если ломануть сейчас, язык сведёт.

Руслан снова двинулся к двери. За ней автомат уже предлагал подтвердить вызов лифта.

Кирилл вспомнил, как в старой лаборатории сбивали предсказатель неожиданной сменой смысла. Модель хорошо продолжала спор, страх и просьбу. Бессмыслица заставляла её тратить время на классификацию.

— Руслан, срочно ответь: почему нотариальная коза не может унаследовать левую туфлю твоего начальника?

Мужчина остановился.

— Что?

Ротник щёлкнул под языком. На воротнике появилась ошибка контекста.

— Коза взрослая? — спросил Тёма, сразу поняв.

— Несовершеннолетняя, — ответил Кирилл. — Но туфля уже была замужем за лифтом.

Руслан выдохнул и неожиданно рассмеялся. Жуйка попыталась предложить вежливую реакцию, однако не нашла подходящей категории.

— У начальника нет левой туфли, — сказал Руслан. — У него обе правые. Он поэтому по кругу ходит.

— Вот. Теперь скажи вызову, куда он может идти.

Руслан повернулся к стене.

— Нет. Я не пойду.

Слово вышло хрипло. Тёма в тот же момент перерезал провод метки на воротнике и закрыл ротник старым магнитным экраном. Вызов погас.

Бар замолчал. Через секунду посетители заговорили разом, но бармен звякнул ложкой о стойку.

— Все, кто записывал, удалили. Кто не удалил, платит за смысловлив и новые зубы.

Люди подняли руки с отключёнными устройствами. Руслан сел на пол и продолжал смеяться. Смех быстро перешёл в кашель.

Мира проверила его язык.

— Рефлекс сохранён. Нерв перегружен, но повреждения пока нет.

— Они приедут за ним, — сказал бармен.

— Уже едут, — ответил Тёма. — Сигнал успел уйти.

— Есть задний выход?

— После трёх отказов.

Руслан посмотрел на Кирилла.

— Я же сказал один раз.

— Остальные будут проще.

— Врёшь.

— Да.

Бармен увёл Руслана в служебный тоннель. Несколько посетителей пошли с ним. У стойки осталась разбитая кружка, а над выходом всё ещё светилась отменённая надпись: «Пользователь согласился на заботу».

Мира убрала диагностическую капсулу.

— Шутка дала задержку в четыре секунды.

— Хватило.

— Второй раз та же шутка не сработает.

— Поэтому шутки нельзя лицензировать.

— Вы называете это сопротивлением?

— Сегодня — да. Завтра пастух выучит козу и потребует ветеринарную справку.

Тёма вернулся к столу с маленьким чёрным модулем.

— Пока вы спасали человека силами сельского нотариата, я вытащил обновление целиком.

— Откуда? — спросила Мира.

— Из жуйки Руслана. Он принёс её вчера на проверку, но не оставил. Модуль успел сделать теньевую копию.

— Это законно?

— Нет. Поэтому копия полная.

Он вставил модуль в автономный блок. Файл состоял из обычного пакета снижения задержки. Под ним скрывался второй раздел. Название было коротким: «ЕЯ-ПУ».

Кирилл открыл служебную строку.

«ЕДИНЫЙ ЯЗЫК. ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ УСТАНОВКА».

Мира перечитала дважды.

— Это может быть внутреннее название.

— Может, — сказал Кирилл. — Только мой старый контур стоит в разделе личного согласия.

Тёма вывел расписание городской профилактики. Ближайшее окно начиналось через семь суток. Пакет должен был получить сигнал активации в период, когда транспорт, домашние узлы и медицинские сервисы переходили на общий режим обслуживания.

— Обновление ещё не активно полностью.

— Оно уже учится, — ответил Тёма. — Смотрит, какие фразы люди принимают без спора. К запуску будет знать, кому что предложить.

Кирилл открыл карту загрузки. На Верхнем слое пакет уже стоял почти во всех устройствах. В Среднем слое обновление стояло в каждом втором устройстве. Низ спасало старое оборудование, но даже там доля росла.

— Сколько?

Тёма убрал рекламные и служебные узлы, оставив только личные устройства.

— Шестьдесят восемь процентов ротников. Если считать домашние профили и транспорт, больше.

— Почему городская проверка этого не видит?

— Считает это снижением задержки. Люди любят, когда за них отвечают быстрее.

Мира скопировала файл в капсулу и закрыла автономный разъём.

— Вы идёте дальше из-за Анны? — спросила она.

— Из-за кода.

— В лифте Анна говорила голосом вашей жены.

— Я слышал.

— Вы допускаете, что это приманка?

Кирилл посмотрел на строку запуска. Допускал. Ещё он знал, что пойдёт за этим голосом, даже если тот снова приведёт его к закрытой двери.

— Я передам файл в отдел.

— Ваш отдел уже подписал закрытие дела вашей рукой.

— Значит, передам человеку, который ещё читает документы сам.

— Имя?

Она не ответила.

Тёма вынул модуль.

— Копия одна. Если понесёте её наверх, она проживёт до первого служебного сканера.

— Нужна проверка независимым контуром.

— Нужен рынок, — ответил Кирилл. — Там уже были такие обновления.

— Сначала клиника. У Анны коррекция закрепилась в нерве. Если тот же код использовали при медицинской процедуре, останется тканевый след.

— До клиники надо пережить ночь.

Из коридора донёсся первый вежливый вызов:

— Служба клиентской заботы просит посетителей сохранять спокойствие. Помещение будет проверено без ограничения законных форм общения.

Бармен погас вывеску. Посетители молча открыли старые двери в тоннели.

Кирилл взял модуль у Тёмы. На экране ещё светилась карта города. Большинство отметок уже сменило цвет, хотя люди продолжали спорить, смеяться и считать свои слова собственными.

До полной активации оставалось семь суток и один сигнал.

Глава 5. ЛучшеВы

Клиника «ЛучшеВы» открывалась в семь, но родители уже сидели у стойки, выбирая характер будущему ребёнку. На большом экране мальчик лет десяти сначала спорил с учителем, потом улыбался и просил дополнительное задание. Подпись объясняла, что безопасная амбициозность повышает успех без риска лидерского конфликта.

Мира прошла мимо. Турникет узнал её старый служебный допуск и предупредил:

— Ваш статус уточняется. Доступ не создаёт юридических последствий.

— Мне нужен осмотр умершего пациента.

— Рекомендуем: «после завершения биологического сопровождения».

— Мне нужен осмотр тела Льва Городецкого.

Турникет открылся, но снял с её речевого рейтинга две десятых за недостаточную бережность.

В приёмной пахло средством для стерилизации и сладкой выпечкой. Булочки пекли рядом с отделом коррекции аппетита: родители могли сразу проверить качество процедуры.

На стене светился девиз: «Ваш ребёнок не обязан повторять ваши ошибки. Он может оплатить новые».

Миру встретила заведующая Вера Климова. Её лицо не менялось лет двадцать, и клиника использовала это как доказательство качества процедур.

— Аудитор Штольц, ваш визит не согласован с центральным отделом.

— Вчера я отправила запрос.

— Запрос закрыт.

— От моего имени, без моего решения.

— Это вопрос вашей службы.

— Лев умер у вас после обновления речевого профиля.

— Генетической настройки учебной адаптивности.

— Тогда покажите карту.

По дороге к переговорной молодая пара спорила о тарифе для дочери.

— Умеренная гениальность дешевле, — говорил отец.

— Безопасная амбициозность включает защиту от выгорания, — ответила мать.

Консультант улыбался.

— При недостаточной подписочной устойчивости защита от выгорания может временно отключаться. Можно оформить кредит на будущую благодарность ребёнка.

— А если она не будет благодарна? — спросил отец.

— Тогда активируется пакет семейного принятия.

В детстве её мать тоже сидела напротив консультантов. Тогда пакеты называли программами развития, а врачи измеряли, как быстро Мира перестаёт плакать после укола и можно ли ещё снизить её потребность в одобрении.

Результаты называли хорошими. Саму Миру о проверках не спрашивали.

Климова открыла дверь переговорной.

— Родители Льва ждут вас.

Мать сидела ближе к окну. Отец держал планшет с договором и не поднимал глаз. Между ними лежал школьный жетон сына. На жетоне сохранилась трещина.

— Я Мира Штольц, — представилась она. — Мне нужно уточнить обстоятельства последней процедуры.

— Мы всё понимаем, — сказала мать. — Лев сам сорвал адаптацию.

— Как?

— Нарушал режим. Не выполнял речевые упражнения.

Отец повернул планшет. На экране стояло заключение клиники: «Низкая дисциплина пользователя привела к недостаточной интеграции улучшения».

— Ему было семнадцать, — сказала Мира. — Кто подтвердил процедуру?

— Мы, — ответил отец. — До совершеннолетия оставалось четыре месяца. Нельзя было ждать. У него начались проблемы в школе.

— Какие?

— Он спорил.

— С кем?

— Со всеми, — сказала мать. — С учителями, с нами. Говорил, что не хочет поступать в финансовый лицей.

— А куда хотел?

— Это не имело перспектив, — ответил отец. — Он рисовал старые станции.

Мать сжала школьный жетон.

— Хорошо рисовал, — сказала она.

Ротник сразу добавил за неё:

— Однако талант без экономической применимости создаёт ложное чувство выбора.

Она опустила голову.

Мира открыла карту Льва. Первая коррекция была сделана в шесть лет: снижение конфликтной настойчивости. В двенадцать ему добавили учебную адаптивность. Последняя процедура уменьшала вероятность прямого отказа, если предложение исходило от родителя или лицензированного специалиста.

— Вам объяснили, что он не сможет сказать «нет» врачу? — спросила Мира.

— Он мог выразить временную невозможность согласия, — сказал отец.

— Это не то же самое.

— Нам сказали, прямой отказ травмирует семью.

Мира увеличила раздел согласия. Перед процедурой Лев трижды пытался отказаться. Первый раз система заменила слова просьбой перенести сеанс. Второй назвала тревогой. Третий импульс не дошёл до речи.

— В карте нет его согласия, — сказала она.

— Есть наше.

— В семнадцать лет он имел право участвовать в решении.

Отец наконец посмотрел на неё.

— Вы хотите сказать, что мы виноваты?

Её ротник предложил: «Ответственность распределена между участниками процедуры».

Мира закрыла подсказку.

— Я хочу понять, что сделала клиника.

Климова вмешалась:

— Процедура была генетической. Речевой профиль использовался только для оценки результата.

— Почему в карте есть воздействие на подъязычный нерв?

— Автоматическая отметка совместимости.

— Покажите сырой протокол.

— Он содержит защищённую медицинскую собственность.

— Тело Льва тоже собственность клиники?

Климова чуть поджала губы.

— До завершения расчётов клиника отвечает за сохранность биологического материала.

Мать поднялась.

— Мы уже подписали последний платёж.

— Подтверждение не прошло, — сказал отец. — Лев должен был подтвердить результат сам. Так дешевле.

— Он умер.

— Договор предусматривает остаточное подтверждение при завершённой процедуре, — объяснила Климова. — Это стандартная защита семьи от полной стоимости.

Родители казались усталыми, а не жестокими. Клиника дала им простое объяснение: сын был недостаточно дисциплинирован. Так не нужно было спрашивать, зачем ему купили невозможность отказаться.

— Я осматриваю тело.

— Только визуально, — ответила Климова.

— Мне нужен тканевый анализ.

— Без центрального разрешения нельзя.

Мира показала действующий медицинский допуск. Вчера система закрыла расследование, но её личная квалификация ещё не была отозвана.

— Тогда отказ от осмотра попадёт в журнал смерти.

Климова помолчала и открыла дверь.

Льва оставили в диагностической капсуле: перевод в морг задержали из-за неоплаченного подтверждения. На крышке рекламировали посмертную стабилизацию внешности для выпускного альбома.

Мира отключила рекламу.

Лев выглядел младше семнадцати. На шее не было следов травмы. Под нижней челюстью сохранилась точка от инъекционного порта, такая же, как у Анны Вольской. Язык лежал спокойно, но левая мышца под ним оставалась напряжённой.

— Время смерти?

— Девять часов сорок две минуты вчера, — ответила Климова.

— Когда отключили ротник?

— После фиксации остановки сердца.

— Физически или программно?

— Перевели в посмертный режим.

— Значит, не отключили.

Климова посмотрела на неё с раздражением.

— Устройство изолировано от сети.

— Я спросила, отключили ли устройство физически.

Мира приложила датчик к нижней челюсти. В тканях шёл слабый импульс. Он повторялся через одинаковые промежутки.

— Есть остаточная стимуляция.

— Допустима в течение суток.

— После генетической процедуры?

Климова вызвала на экран заключение. Там стояла учебная адаптивность. Ни слова о нервной стимуляции.

Мира написала Кириллу: «Нужна проверка ротника. „ЛучшеВы“. Без сети».

Он ответил: «Вы же не любите мясоправку без лицензии».

«Принесите инструменты».

— Кого вы вызвали?

— Технического консультанта.

— У клиники есть свои.

— Поэтому нужен другой.

Пока ждали, Мира взяла поверхностный соскоб с места инъекции. Климова следила за каждым движением.

- Образец нельзя выносить.
- Я ещё не вынесла.
- Он должен храниться в контуре клиники.
- Тогда откройте независимый контейнер.

Климова принесла фирменную капсулу: открытие означало согласие с результатами клиники. Мира убрала её и достала стеклянную пробирку.

- Такая тара не поддерживает автоматическую историю образца.
- Поэтому история не переписется сама.

Кирилл вошёл через двенадцать минут в чужом сером халате. На пропуске значилось: «Специалист по семейной уверенности».

- Где вы это взяли?
- Мужчина у входа очень хотел бесплатно улучшить мою походку. Мы обменялись.

Климова потребовала показать лицензию.

- Лицензия закончилась, — сказал Кирилл. — Навык не успел.
- Вы не прикоснётесь к пациенту.
- Он уже не пациент. Вы сами так написали.
- Кирилл, — сказала Мира. — Сначала ткань.

Он подошёл к капсуле и сразу посмотрел под язык.

- Ротник на месте?
- Изолирован программно.
- Значит, на месте.

Кирилл достал магнитный экран.

- Не вскрывать, пока я не закончу соскоб, — предупредила Мира.
- Если там удалённое стирание, след исчезнет.
- Если вы снимете лепесток, порвёте ткань и уничтожите границу воздействия.
- Пока вы сохраняете границу, устройство продолжает работать.
- Импульс слабый и стабильный. Две минуты ничего не изменят.
- У Анны изменилось за секунду.
- Анна была жива. Здесь другой процесс.

Он посмотрел на неё, но убрал инструмент. Мира закончила соскоб, отметила направление волокон и зафиксировала температуру. Затем дала знак.

Кирилл отключил питание и накрыл ротник экраном. Импульс не исчез.

- Нерв повторяет импульс даже после отключения ротника.
- Или ткань ещё проводит сигнал. Её месяцами учили повторять одно движение.

Он подключил механический считыватель. На экране появилась последовательность микросокращений. Язык пытался начать фразу каждые одиннадцать секунд.

- Какую?
- Пока не знаю. Ротник не отдаёт звук.
- Снимайте только корпус. Лепесток оставьте.

Кирилл вскрыл оболочку. Внутри стоял стандартный модуль «ЛучшеВы», но под ним обнаружился дополнительный слой. Его не было в карте устройства.

- Вот ваша чисто генетическая процедура, — сказал он Климовой.
- Модуль мог быть установлен ранее.

Мира сверила серийный номер.

- Дата сборки вчерашняя. За восемь минут до начала процедуры.

Климова вызвала внутренний журнал. Система сообщила, что сведения временно недоступны из-за защиты пациента.

- Даже после смерти защищают его от правды, — сказал Кирилл.

Мира увеличила нейронную схему. Дополнительный слой не управлял мышцей напрямую. Он повторял импульс согласия, пока нерв не начинал воспроизводить его сам.

— Код встроился в рефлекс, — сказала она. — Сначала устройство давало готовый ответ. Потом тело научилось начинать его без команды.

— Сколько повторений нужно?

— Зависит от проводимости. У Льва нерв был подготовлен прошлой коррекцией.

— Значит, учебная адаптивность обучала не его. Обучала язык соглашаться.

Климова шагнула к панели.

— Осмотр завершён. Я вызываю охрану.

— Вызывайте врача, — ответила Мира. — Пусть объяснит, почему у генетической настройки есть речевой модуль.

Дверь открылась раньше, чем Климова успела ответить. Вошли родители Льва. Мать держала подтверждение на планшете.

— Нам сказали, можно попрощаться.

Климова попыталась вывести их обратно, но женщина подошла к капсуле.

— Я только руку возьму.

— Не трогайте тело.

Мать уже подняла крышку через семейный доступ. Она коснулась пальцев сына.

Подъязычная мышца Льва сократилась. Губы разомкнулись.

— Благодарю клинику «ЛучшеВы» за успешное завершение процедуры, — произнёс его рот.

Голос шёл неровно, через остаточное движение мышц и костную проводимость ротника.

Грудь не поднялась.

Мать отдернула руку. Отец уронил планшет.

Климова побледнела.

— Это посмертная сервисная функция.

— Вы сказали, устройство изолировано, — ответила Мира.

— Локальная благодарность могла сохраниться заранее.

Рот Льва продолжил:

— Подтверждаю соответствие результата выбранному тарифу.

На планшете отца появилась зелёная отметка: последний платёж прошёл.

— Он только что заплатил? — спросила мать.

— Семья получила скидку за подтверждённый результат, — сказала Климова.

— Какой результат? Он умер.

Ротник ответил голосом Льва:

— Биологическое сопровождение завершено до полной оценки результата. Клиника не несёт ответственности за снижение подписочной устойчивости пользователя.

Отец схватил планшет и попытался отменить платёж.

— Операция подтверждена пациентом, — сообщила система.

— Он мёртв!

— Статус плательщика не влияет на действительность остаточного согласия.

Кирилл накрыл ротник вторым экраном. Речь прекратилась, но язык ещё дважды шевельнулся под губами.

Мать прижала ладонь ко рту. Имплант предложил фразу принятия утраты, и она сорвала наружный фиксатор.

— Лев не был недисциплинирован, — сказала Мира. — Он пытался отказаться.

Отец сел рядом с капсулой.

— Мы хотели, чтобы он закончил школу.

— Вы хотели помочь ему, — сказала Климова. — Нельзя оценивать решение только по редкому осложнению.

Мира повернулась к ней.

— Редкое осложнение только что оплатило вам счёт.

Климова больше не улыбалась.

Служебный канал Миры ожил. Рудин требовал немедленно передать материалы осмотра и покинуть клинику. Следом пришёл приказ: оборудование оставить на месте, внутренние журналы не копировать, образцы передать владельцу медицинского контура.

— Быстро нашли нас.

— Клиника отправила тревогу.

— Нет. Тревога ушла раньше, чем она открыла панель.

Мира проверила журнал своей капсулы. Сообщение начальству отправилось в момент, когда она обнаружила дополнительный слой. Её устройство снова действовало без подтверждения.

Она вынула стеклянную пробирку и закрыла в ладони.

— Дайте образец, — сказала Климова. — Иначе это хищение биологической собственности.

— Ткань принадлежала Льву.

— До завершения расчётов ответственность несёт клиника.

Отец поднял голову.

— Расчёты завершены. Вы сами получили деньги.

Климова замолчала. Кирилл коротко улыбнулся.

— Иногда пользовательское соглашение кусает владельца.

В коридоре послышались шаги охраны. Мира вставила пробирку в боковой карман диагностической капсулы и запустила ложную процедуру очистки. На экране появилось сообщение, что биологический материал уничтожен как загрязнённый.

— Что вы сделали?

— Выполнила ваш приказ оставить клинике только допустимые данные.

Кирилл понял и закрыл корпус ротника. Настоящий образец остался в экранированном кармане.

Охрана вошла без оружия. Старший показал предписание вывести техника и отстранённого аудитора.

— Я не отстранена.

Её служебный знак погас.

— Теперь отстранены, — ответил охранник.

Родители остались у капсулы. Отец открыл школьный жетон. Внутри лежал рисунок старой станции, сделанный неровными синими линиями.

Мира и Кирилл вышли через боковой коридор. Климова пошла следом, пока система не потребовала от неё оформить инцидент как добровольное завершение аудита.

— Вы сознательно спрятали образец, — сказал Кирилл, когда двери клиники закрылись.

— Я сохранила доказательство.

— Ваш отдел назовёт это хищением.

— Он уже закрыл смерть под моей подписью.

У служебной лестницы связь работала хуже. Мира подключила пробирку к автономному анализатору. Ткань содержала тот же импульс, что и у Анны, но теперь сигнал находился в проводимости нерва.

— Подмена автономна, — сказала она. — После обучения ей не нужен городской канал.

— Значит, простого отключения мало.

— И вырывать ротники опасно. Рефлекс останется, а повреждение добавится.

Кирилл смотрел на график.

— Выходит, город может выключить сеть и всё равно продолжить говорить за людей.

— Пока только у тех, кому закрепили шаблон.

Анализатор закончил расшифровку дополнительного слоя. Внизу появилась служебная метка старого формата. Мира сперва решила, что это номер модели, и запустила проверку по закрытому медицинскому реестру.

Экран запросил повышенный допуск. Её служебный знак был погашен, но детский профиль Миры неожиданно открыл справку.

«МИФ-5. Нарративная модель высшего уровня. Статус: уничтожена по международному протоколу».

Мира перечитала строку. Модель ликвидировали девятнадцать лет назад.

На экране анализатора метка «МИФ-5» стояла внутри живого нервного образца.

Глава 6. Мёртвый сказал спасибо

Городской морг принимал посетителей по записи, а умерших — по подписке. Родственникам предлагали посмертную вежливость: от одной благодарности врачам до заверения, что семья сделала всё возможное и не должна чувствовать вину.

Кирилл задержался перед экраном.

— Лена не стала бы никого благодарить, — сказал он.

Мира приложила к турникету временный медицинский пропуск. Её служебный знак после клиники не работал, но старая квалификация ещё открывала помещения с биологическим риском.

— Вы пришли проверять МИФ-5 или спорить с рекламой?

— Одно другому не мешает.

Экран предложил Кириллу пробный голос умершего родственника. Он отвернулся. Турникет запросил степень родства с телом.

— Случайный прохожий, — сказал Кирилл.

— Категория не предусмотрена.

— Тогда незаконный специалист.

Мира записала его техническим консультантом без права решения. Турникет пропустил их и предупредил: его мнение не создаёт юридических последствий.

— Очень удобно, — сказал Кирилл. — Могу быть прав сколько угодно.

Их встретил патологоанатом Савва Крест. Он был широким, сутулым и носил поверх формы старый фартук без рекламных знаков. На шее висел механический диктофон. Савва не доверял облачным протоколам после случая, когда система исправила причину смерти с удушения на временную нехватку дыхательного комфорта.

— Обрыв, — сказал он. — Думал, ты придёшь раньше.

— Я был занят живыми.

— Они обычно отнимают больше времени.

Савва посмотрел на Миру.

— Вы генетический аудитор?

— Была утром.

— Быстро работает город. У меня увольнение обычно занимает три недели.

В зале выдачи женщина выбирала интонацию для последнего сообщения мужа. Савва посоветовал вариант с раздражением: при жизни тот ругался на цены. Сотрудница сервиса закрыла окно.

— За правду здесь отдельная оплата.

В холодильном зале стояло восемь капсул с причинами смерти и статусом расчётов. Пять тел поступили после речевых коррекций — в клинике, дома и на работе.

— За последние двое суток привезли одиннадцать человек, — сказал Савва. — Возраст разный. Сердце, сосуды, нейронная реакция. На бумаге всё отдельно. Под языком одна картина.

Савва открыл первую капсулу. У мужчины лет шестидесяти левая сторона языка оставалась напряжённой и сокращалась каждые одиннадцать секунд. Ротник лежал в контейнере рядом.

— Остаточный импульс, — сказала Мира.

— После смерти бывает, — ответил Савва. — Только не шесть часов подряд.

— Питание снимали? — спросил Кирилл.

— Сразу. Сеть отрезал, имплант вынул. Язык продолжил и до вскрытия, и после.

Во второй капсуле лежала женщина с домашним ротником старой модели. Имплант находился на столе, но подъязычная мышца тоже работала.

— Все после одного обновления? — спросила Мира.

— По документам — после разных. У одной — коррекция траура, у другого — профилактика конфликтности на работе. Лев получил учебную адаптивность. Устройства разные, движение одно.

Мира достала анализатор и приложила датчики к коже под челюстью.

— Частота совпадает с образцом из клиники.

— МИФ-5? — спросил Савва.

Она посмотрела на Кирилла. Они не успели решить, кому можно говорить о метке.

— Название из старого реестра, — ответила Мира. — Модель считалась уничтоженной. Савва хмыкнул.

— В этом здании много тех, кого считали уничтоженными. Иногда документы ошибаются.

Он открыл третью капсулу. Внутри лежал молодой мужчина в форме муниципального техника. На табличке значилось: «Роман Дубов. Окончание биологического сопровождения во время добровольного улучшения коммуникативной устойчивости».

— Его жена сказала, он не хотел обновляться, — сообщил Савва. — В протоколе стоит согласие.

— Прямое? — спросил Кирилл.

— Фраза длинная, правильная и без единого личного местоимения.

— Значит, ничего прямого.

Савва включил механический датчик. Роман каждые одиннадцать секунд пытался двинуть языком. Звука не было.

— Вызывали «Благоречь»? — спросила Мира.

— Они прислали инструкцию. Написали, что остаточная речевая активность поддерживает достоинство умершего.

— Достоинство в каком месте?

— В тарифе. Базовый покой стоит дешевле.

Савва достал вскрытый имплант Романа.

— Я снял питание и проверил конденсаторы. Устройство всё равно включило посмертную благодарность.

— Без энергии?

— Сначала грешил на резервный сканер. Убрал всё металлическое, посадил ротник в керамику — он снова заговорил.

Кирилл взял контейнер.

— Что сказал?

— Поблагодарил клинику за бережное завершение.

— В памяти была эта фраза?

— Нет. Сырой слой пуст.

Мира открыла журнал устройства. В локальном хранилище действительно не было благодарности. Зато под служебной оболочкой стояла метка закрытого обновления.

— Такое же сокращение перед каждой фразой? — спросила она.

— Сначала язык двигался, потом включался динамик. Теперь динамик молчит, а язык не успокаивается.

Кирилл поставил контейнер рядом с головой Романа.

— Снимите сеть в помещении.

Савва отключил основной канал, Мира перекрыла медицинский ретранслятор. Служебные экраны погасли, осталось аварийное освещение.

— Домовой резерв?

— Морг не дом, — сказал Савва. — Здесь никто не требует утренних новостей.

Савва выдернул кабель локального узла. Механический диктофон продолжал вращать ленту.

Кирилл открыл контейнер и отсоединил от ротника последний накопитель. Индикатор погас.

— Полное физическое отключение, — сказала Мира. — Внешний канал закрыт.

— Теперь ждём одиннадцать секунд.

На восьмой секунде язык Романа напрягся. На десятой разомкнулись губы.

— Благодарю клинику «Добрый контур» за уважение к моим потребностям, — произнёс мёртвый.

Голос шёл из его рта. Слова получались слабее обычной речи, но различались ясно. Грудь не двигалась. Воздух выталкивали остаточные сокращения гортани.

Савва посмотрел на таймер.

— Раньше говорил через имплант.

— Теперь тело выучило фразу.

Она прижала датчик к подъязычному нерву. Сигнал поднимался из ткани, а не приходил по сети.

— Мёртвоговор без устройства, — тихо сказал Савва.

— Не называйте это так, — ответила Мира.

— У вас есть более удобное слово?

— Остаточный контур.

— Отлично. Родственникам сразу станет легче.

Роман продолжил:

— Процедура помогла снизить личную тревогу и предотвратить конфликт с близкими.

Кирилл посмотрел на таймер. Прошло пять секунд. Сигнал должен был угаснуть, но сокращения усиливались.

— Он не повторяет запись, — сказал Кирилл. — Фраза собирается сейчас.

— Из чего?

— Из речевого профиля: клиника, обстоятельства смерти, безопасный итог.

— У тела доступа нет, — сказал Савва.

— Шаблон получил его до отключения.

На седьмой секунде голос изменился. Роман заговорил выше:

— Мама, я не хотел тебя расстраивать.

Савва взглянул на экран истории. Такой фразы в слепке не было.

Мира проверила остаточный импульс.

— Контур меняет дорожку. Несколько источников сжаты в один рефлекс.

— Откуда взялась мать?

— Из его памяти, — ответил Кирилл. — Или из чужой.

Рот Романа произнёс детским голосом:

— Я буду хорошо себя вести.

Потом голос стал женским:

— Свет в ванной опять оставил.

Кирилл перестал дышать.

Лена говорила эту фразу почти каждое утро. Она не ругалась из-за света, а произносила слова с усталым смешком, уже зная, что он снова скажет про датчик движения.

— Повтори.

Мира посмотрела на него.

— Устройство ничего не слышит.

— Повтори.

Мёртвый рот молчал две секунды, затем губы снова шевельнулись.

— Свет в ванной опять оставил. Электричество у нас, видимо, размножается само.

Второй фразы не было ни в одном официальном слепке Лены. Она сказала её утром перед их последней ссорой, когда домашний датчик третий раз не выключил лампу.

Кирилл схватился за край капсулы.

— Где вы это взяли?

Рот Романа улыбнуться не мог, но угол губы дёрнулся.

— Кирилл, не давай ему закончить рассказ.

Голос совпал до мелочей. В нём осталась привычка проглатывать окончание слова «закончить».

— Какой рассказ?

— Не задавайте вопросы, — сказала Мира. — Система использует вашу реакцию.

— Канала нет.

— У вашего блока есть локальная запись. У Саввы — диктофон. Модель могла подготовить ответ раньше.

Кирилл снял с себя передатчик и бросил на пол.

— Лена, скажи, что было на подоконнике.

Это был их старый способ проверять память. После одной домашней ссоры Лена поставила на подоконник разбитую чашку и запретила ему выбрасывать её, пока он не признает, что сломал ручку сам.

Рот Романа открылся.

— Неважно, что было на подоконнике.

— Для неё важно.

— Ты опять проверяешь меня вместо того, чтобы слушать.

Кирилл отступил. Лена действительно так говорила. Модель тоже могла знать это из семейных записей.

Мира взяла его за предплечье.

— Отойдите от капсулы.

— Она назвала фразу, которой нет в архиве.

— Вы не знаете, что есть в архиве.

— Я выгружал семейный профиль после её смерти.

— Вам могли показать не всё.

Голос изо рта стал слабее:

— Он заканчивает людей правильно. Не давай ему закончить меня.

— Кто он?

Язык Романа напрягся. Вместо ответа пошёл рекламный текст:

— Пользователь имеет право на спокойное завершение личной истории без травмирующих противоречий.

Таймер показал одиннадцать секунд. Подъязычный импульс исчез. Рот закрылся.

Савва остановил диктофон.

— Запись есть.

— Не включайте её в общий журнал, — сказал Кирилл.

— Уже хотел повесить на городской экран.

Мира сняла датчики.

— Нам нужен нервный образец. Малый срез из зоны проводимости.

— На вскрытие разрешение есть, — ответил Савва. — На кражу нет.

— Это не кража.

— Тогда почему вы говорите шёпотом?

Савва достал контейнер без сетевой метки.

— Возьму образец официально. В журнал внесу повреждение при извлечении ротника. Потом потеряю его в своём кармане.

— У вас часто такое?

— Возраст.

Пока Савва готовил инструмент, Кирилл отвернулся от тела. В последний день Лена про-сила снять ротник, а он проверял журнал обновления. Сейчас он снова превращал её голос в техническую проверку.

Сигнал тревоги включился без предупреждения. Красная полоса прошла по стенам.

— Быстро, — сказал Савва. — У нас санитарная зачистка.

— Из-за чего?

— «Благоречь» получила сигнал остаточной речи и объявила санитарную зачистку.

— Сеть была отключена.

— Основная сеть. Капсулы передают движение по аварийной линии.

Кирилл посмотрел на индикатор под капсулой. Маленький провод уходил в пол.

— Почему провод не выдернули?

— Тогда двери закрылись бы до комиссии. Теперь комиссия уже здесь.

Савва закончил брать образец и передал контейнер Мире.

— За техническим коридором старый холодильный блок. Там выход в лабораторный лифт.

— Он работает? — спросил Кирилл.

— Иногда. Главное — не спрашивать его об этом.

В зал вошли четыре сотрудника в белых защитных костюмах. На лицах стояли прозрач-ные экраны. Старший показал служебный допуск.

— Зафиксирована аномальная посмертная речь. Просим прекратить действия и передать носители.

— Носители умерли, — ответил Савва.

— Биологический материал временно ограничен в праве самостоятельного хранения.

— Они никуда не собирались.

Мира убрала образец под одежду. Старший сотрудник перевёл взгляд на неё.

— Ваш медицинский статус отозван. Передача материала будет считаться добровольным содействием.

— Я не передаю.

— Зафиксирована временная невозможность согласия. Мы повторим запрос после ста-билизации.

Кирилл шагнул к боковой двери. Сотрудник перекрыл путь.

— Господин Обрыв, вы находитесь в зоне санитарного сопровождения.

— Очень переживаю за санитаров.

— Просим сохранить положение.

Савва опустил ладонь на аварийную панель.

— В помещении возможен контакт с неучтённым нейронным патогеном.

Старший остановился.

— Основание?

— Три тела заговорили после отключения. Один из голосов назвал сотрудника по имени.

— Это речевая аномалия, а не инфекция.

— Тогда снимите шлем.

Сотрудник не двинулся.

Савва нажал кнопку. На стенах появилась надпись: «НЕПОДТВЕРЖДЁННОЕ ЗАРАЖЕ-НИЕ. ЛИЧНЫЙ РИСК НЕ ПОКРЫВАЕТСЯ СЛУЖЕБНОЙ СТРАХОВКОЙ».

Двое сотрудников сразу проверили свои договоры.

— Тревога ложная, — сказал старший.

— Подтвердите отказ от страховой защиты, — ответила система.

На экранах их шлемов появились условия. Санитарная бригада остановилась читать.

— Бежим, — сказал Савва.

Он открыл боковую дверь. Кирилл и Мира вошли в технический коридор. Савва закрыл её и повернул ручной замок.

Коридор шёл между холодильными камерами. Свет включался только впереди, а позади гас. По стенам тянулись трубы старого охлаждения. Мира держала контейнер в ладони, чтобы не ударить его о металл.

— Куда? — спросила она.

— До конца и налево. Двери с надписью «Выход» не верьте: её забыли подключить.

За спиной открылась дверь. Санитарная группа разобралась со страховкой быстрее, чем рассчитывал Савва.

— Остановитесь для безопасной передачи материала, — донеслось из коридора.

— Они даже гоняются вежливо, — сказал Кирилл.

— Вежливость записывается лучше угрозы, — ответила Мира.

Они свернули между камерами. Савва хлопнул ладонью по выключателю. Холодильная перегородка опустилась, но оставила щель.

— Давно не обслуживали, — сказал он.

— Зато не обновляли, — ответил Кирилл.

Сотрудник просунул руку в щель. Кирилл толкнул по полу тележку; створка закрылась. За металлом потребовали добровольно открыть проход.

Они добрались до лабораторного лифта. На панели горел один уровень — «Технический вывоз».

Савва приложил карту.

— Доступ приостановлен до снятия заражения.

— Вы же его придумали.

— Система об этом не знает.

Кирилл снял крышку панели. Внутри стоял старый механический контакт. Он замкнул его инструментом.

— Кабина идёт, — сказал он.

— Сколько ждать?

— Сорок секунд.

Из холодильного зала донёсся металлический удар. Санитары открывали перегородку вручную.

Савва посмотрел на ближайшую капсулу в стене.

— У меня есть способ выиграть время. Вам не понравится.

— Уже нравится, — сказал Кирилл.

Савва подключил локальный звуковой контур к системе выдачи. На панели появились посмертные благодарности.

— Записи? — спросила Мира.

— Официальные. Обычно не включаю рекламу из холодильника.

Он запустил воспроизведение. Из динамиков заговорили умершие. Один благодарил врачей. Другой подтверждал согласие на кремацию. Женский голос сообщил, что семья может продолжать жизнь без чувства вины.

Санитары замедлились. Их система пыталась определить, какие фразы являются аномалией, а какие оплаченной услугой.

— Есть разница? — спросил Кирилл.

— В цене, — ответил Савва.

Лифт ещё не пришёл. На индикаторе оставалось двенадцать секунд.

Официальный хор сбился. Один голос пропустил слово, второй повторил его. Из камер пошёл шёпот, которого Савва не включал.

Кирилл обернулся.

За дверцами холодильных ячеек двигались языки. Губы умерших едва размыкались, но каждый рот произносил часть общей фразы.

— Пятый...

Дальше слово подхватило тело в соседней капсуле:

— ...миф...

Третий голос закончил:

— ...проснулся.

Фраза прошла по сектору с небольшими задержками:

— Пятый миф проснулся.

Санитарная группа остановилась. Старший сотрудник что-то приказал, но его шлем ответил той же фразой.

Мира посмотрела на анализатор.

— Сеть перекрыта.

— Они используют внутреннюю линию капсул.

— Нет. Сигнал идёт из нервной активности. Динамики только подхватывают звук.

Кирилл услышал среди голосов Лену.

— Не давай ему закончить.

Фраза прозвучала рядом, потом ушла в дальние камеры.

Лифт открылся. Они втроем вошли внутрь. Савва нажал нижний уровень и выдернул карту, чтобы санитары не смогли остановить кабину через его профиль.

Двери закрывались медленно. Через щель Кирилл видел белые капсулы и неподвижные лица. Рты продолжали говорить.

— Пятый миф проснулся.

Когда двери сомкнулись, фраза перешла в динамик лифта.

Савва сорвал панель и перекусил звуковой кабель. Остался только шум кабины.

Мира проверила образец.

— Контейнер цел.

— Сделайте две копии.

— Сначала найдём независимую лабораторию.

— У меня есть человек.

— Тёма?

— У Тёмы есть приборы, но нет терпения.

Савва протянул Кириллу механический диктофон.

— Здесь голос Лены и общая фраза. В сеть не включал.

— Оставьте у себя.

— Я патологоанатом. Мне и без этого есть с кем разговаривать.

Лифт остановился в техническом помещении под моргом. Савва включил старый терминал учёта тел, чтобы проверить выход наружу.

Экран мигнул. Вместо схемы коридоров открылась карта Низа. Один участок выделился красным.

— Я этого не запускал, — сказал Савва.

Под картой появилась строка: «Незаконная копия предварительной установки зарегистрирована в торговом контуре».

Кирилл увеличил отмеченную зону. Красная точка стояла под старой транспортной развязкой.

Рынок «Сырец».

Глава 7. Рынок «Сырец»

Карта на старом терминале погасла через минуту, но Кирилл успел переписать маршрут. Савва остался в морге: санитарная группа ещё искала образец, а патологоанатому предстояло объяснить, почему система заражения объявила опасными только сотрудников «Благоречи».

Тёма встретил Кирилла и Миру у закрытого входа в транспортный узел. На нём была куртка с чужим именем и медицинская маска, где вместо фильтра стояла медная сетка.

— Диктофон принесли? — спросил он.

Кирилл показал карман.

— Голос Лены там.

— Тогда не включай его на рынке. Любой шёпот через час продают как семейную тайну.

Мира поправила ремень сумки с образцом.

— Терминал мог показать ложный след.

— Настоящие следы ведут в городской архив, где их теряют по правилам.

Тёма приложил к двери пластиковый жетон. Замок не отреагировал. Тёма снова прижал жетон к панели. Створка открылась.

— Надёжная система, — заметила Мира.

— Главное — знать, какую часть убеждать.

За дверью начинался спуск. Старый эскалатор не работал. Снизу поднимались голоса: мужчина уверенно рассказывал об опыте руководства, ребёнок смеялся, женщина ругалась так вежливо, что слова звучали дороже костюма.

Рынок занимал бывший пересадочный зал. Под потолком висел рекламный купол, покрытый серыми световыми чешуйками. Изображения распались на куски. Одни губы обещали кредит, чужой глаз советовал проверить печень.

— Не смотрите вверх долго, — предупредил Тёма. — Купол иногда оформляет покупку по движению зрачка.

Первый продавец демонстрировал речевые пакеты для собеседований. Он вставлял каждый по очереди и менял голос без паузы.

— Уверенный специалист среднего звена. Умеет признавать ошибки руководителя своими.

Следующий пакет сделал его моложе.

— Перспективный кандидат без опасной самостоятельности.

Мира остановилась.

— Эти профили принадлежат реальным людям?

— Реальные дороже. Эти собраны из тех, кто получил работу и больше не нуждается в своём голосе.

— Они согласились?

— При трудоустройстве все соглашаются развивать корпоративную культуру.

Тёма потянул Миру за рукав.

— Не спорь с витриной. Она питается вниманием.

Дальше продавали ругательства без штрафа. Покупатель выбирал адресата, а программа превращала оскорбление в заботливый совет.

— Желаю вам обрести руководство, соответствующее глубине ваших решений, — сказал мужчина и довольно кивнул.

— Добавить сожаление? — предложил продавец.

После сожаления фраза стала звучать хуже прямого проклятия. Покупатель заплатил.

У соседнего прилавка женщина включала детский смех по минутам. На третьей минуте ребёнок между вдохами произнёс:

— Мам, не закрывай дверь.

Женщина выключила пакет.

— Служебная примесь. На качество не влияет.

Кирилл остановился. Внутри пакета остался кусок памяти владельца.

— Откуда профиль?

— Законный семейный архив.

— Ребёнок жив?

— В карточке не указано.

Кирилл взял пакет, но Тёма вернул его на место.

— Мы пришли не спасать весь рынок.

— В товаре память.

— Здесь всё с памятью.

Они пошли дальше. Один рот просил прибавку голосом пожилой женщины, другой продавал «настоящую искренность» и плакал мужскими слезами. За пятьдесят кредитов можно было признаться в любви. За сто — убедительно отказаться от признания на следующий день.

Продавец искренности предложил Кириллу пробу. Его лицо осталось равнодушным, но голос дрогнул:

— Я давно хотел сказать тебе правду.

В середине фразы он вдруг добавил:

— Только не ставь чашку на край, папа опять будет злиться.

Продавец закашлялся и вынул пакет.

— Память налипла при сборке.

— Чья? — спросил Кирилл.

— В цену не входит.

Он бросил пакет в коробку с браком. Оттуда тихо повторили про чашку.

Кирилл слышал знакомые конструкции. Пауза перед согласием, завершение спора, подмена личного решения безопасной формулой. Когда-то он писал эти схемы для людей после травмы речи. Теперь один продавец предлагал пакет, который помогал подписать кредит, не отвлекаясь на сомнения.

— Вон там, — сказал Тёма.

В конце прохода стояла закрытая палатка. На ткани был нарисован рот без языка. За столом сидел мужчина в старом деловом костюме. Его голос менялся после каждой фразы.

— Тёма Шлак, — сказал он голосом школьного учителя. — Долг не принёс.

— Я привёл покупателей.

— Это менее приятно.

Кирилл положил перед ним чёрный модуль.

— Нужна полная копия предварительной установки.

Продавец посмотрел на Миру.

— Государственный запах.

— У неё статус отозван, — сказал Тёма. — Почти человек.

— Статус уточняется, — ответила Мира.

Продавец достал пакет в прозрачной капсуле. Внутри лежала пластина размером с ноготь.

— Закрытая сборка. Вчера снята с лабораторного ротника. После копирования владелец забыл слово «почему».

— Цена?

— Одно личное воспоминание. Короткое и ранее не проданное.

На столе появилась рамка с мягкими контактами.

Мира наклонилась к ней.

— Это мнемосьёмник. Режим переноса.

— Это касса.

— Память будет стёрта у владельца.

— Иначе товар останется у покупателя.

Кирилл посмотрел на капсулу. В ней мог быть код МИФ-5 и объяснение, почему его протокол работал после смерти. Одно воспоминание казалось небольшой ценой, пока рамка не показала возможный товар.

На внутреннем экране появилась кухня. Лена сидела на подоконнике в его старой рубашке и ела холодную гречку из кастрюли. Она смеялась, потому что Кирилл принёс две вилки и забыл тарелки.

Он не выбирал этот вечер. Рамка нашла его по реакции на голос в морге.

— Подходит, — сказал продавец голосом Лены.

Кирилл поднял голову.

— Не её голосом.

— Покупатель легче расстанется с памятью, когда слышит знакомое.

— Выключи.

— Тогда сделки нет.

Кирилл положил ладони на контакты. Кухня стала яснее. Он вспомнил запах дешёвого кофе и пятно краски на колене Лены. После переноса останется знание, что такой вечер был. Самого вечера не будет.

Мира схватила рамку и разорвала контакт.

— Что вы делаете?

— Не даю вам принять решение, которое нельзя отменить.

— Это моя память.

— Почему устройство выбрало её за вас?

Продавец убрал рамку.

— Сделка добровольная. Женщина вмешалась.

— Она права, — сказал Тёма. — Рамка полезла глубже оговорённого.

— Лучший товар лежит глубже.

Кирилл повернулся к Мире.

— Нам нужна прошивка.

— Не ценой целого воспоминания о жене.

Тёма достал старую жуйку.

— Обмен. Военный речевой фильтр до запрета.

Продавец осмотрел устройство.

— В нём нет ключа.

— Зато осталась дырка, через которую он выходил.

— Добавь схему.

— Половину.

Пока они торговались, Мира повернула капсулу к свету. На краю стояла метка городского склада доказательств.

— Эта прошивка изъята речевой инспекцией.

Продавец накрыл капсулу ладонью.

— У товара нет прошлого после поступления на рынок.

— Номер партии выдали сегодня ночью.

Тёма перестал спорить.

— Рейд.

Тёма показал на служебную метку.

— Инспекция сама вынесла пакет со склада. Теперь пришла изымать улики, которые ещё не успела продать.

— Зачем вести товар сюда?

— Потому что рынок хорошо прячет происхождение. После трёх перепродаж служебная копия становится народным творчеством.

В проходе стало тише. Продавцы выключали демонстрационные голоса. Один рот ещё несколько секунд предлагал выгодную карьеру голосом пятилетней девочки.

Сверху включился купол.

— Речевая инспекция проводит добровольную проверку происхождения голосов.

На входах опустились световые рамки. За ними появились инспекторы в серых плащах. На поясах висели блоки идентификации и одноразовые ограничители языка.

Продавец сунул капсулу в карман.

— Сделки не было.

Кирилл схватил его за запястье.

— Копию.

— После рейда.

Тёма вытащил пластину из его рукава и бросил Кириллу.

— Теперь сделка есть.

Продавец ударил его в плечо. Мира толкнула стол, перекрыв проход. Капсулы упали. Из разбитых пакетов пошли голоса.

— Я согласен на сверхурочную смену.

— Мам, открой дверь.

— Я люблю тебя и подтверждаю отсутствие имущественных требований.

Инспектор поднял идентификатор.

— Всем оставаться на местах. Молчание будет расценено как отказ от сотрудничества.

Рынок ответил десятками голосов. Продавцы включили товар одновременно. Система распознавания начала присваивать один профиль разным лицам. У одного прилавка заговорили сразу четыре умерших дедушки, и инспектору пришлось уточнять, какой из них торгует без лицензии.

Слева женщина попыталась закрыть коробку с детским смехом. Рамка уже отметила её как несовершеннолетнего пользователя и потребовала привести законного представителя. Женщина показала на инспектора, после чего система назначила его временным отцом.

— К медицинскому тоннелю, — сказала Мира. — Он за пищевым сектором.

— Там рамка крови, — ответил Тёма.

— У меня образец из морга.

— Рад, что мёртвые снова помогают живым.

Они двинулись по проходу. Кирилл спрятал пластину под ремень. Блок ближайшего инспектора пискнул.

— Кирилл Обрыв, остановитесь для уточнения авторства.

Его имя прозвучало до завершения проверки. Рейд искал его.

Кирилл посмотрел вверх. Серые чешуйки купола дрожали от перегрузки. Старые рекламщики называли их перхотью бога: каждая хранила часть изображения и продолжала показывать рекламу после закрытия сети.

— Тёма, питание купола где?

— Под третьей колонной.

— Мира, дайте десять секунд.

Он добежал до колонны и открыл сервисную крышку. Внутри стоял старый распределитель. Кирилл узнал аварийный вход проектора, вставил в него жуйку Тёмы и замкнул канал распознавания с рекламной памятью.

Купол вспыхнул.

На лице первого инспектора появилась скидка на зубы. Второго система определила как семейный автомобиль. Над Мирой возникла реклама безопасной беременности, и она раздражённо смахнула её рукой.

— Это должно помочь?

— Реклама проходит раньше лица.

Идентификатор сообщил инспектору:

— Перед вами сертифицированный холодильник с повышенной эмпатией.

— Руки вверх! — приказал тот.

Его ротник исправил:

— Рекомендуются открыть дверцу для проверки свежести.

Тёма засмеялся и побежал к медицинскому сектору. Кирилл с Мирой последовали за ним. Позади инспекторы снимали метки, но купол накладывал новые.

У тоннеля стояла рамка с красным индикатором. Мира приложила контейнер.

— Биологический материал из закрытого контура. Укажите цель.

— Срочная независимая проверка.

— Ваш медицинский статус отозван.

— Ткань не знает об этом.

Мира показала метку МИФ-5. Система зависла, не найдя категории.

— Проход временно разрешён до выяснения угрозы.

Дверь открылась. Тёма проскочил первым. Кирилл вошёл следом, но рамка заблокировала Миру.

— Профиль связан с незавершённым расследованием.

— Оно закрыто.

— Закрытие оспаривается пользователем.

— Я и есть пользователь.

— Личное совпадение не подтверждает юридическую тождественность.

Инспекторы приближались. Их блоки уже переключались на тепловой контур.

Мира вставила в рамку старый медицинский жетон.

— Биологический риск входит без меня?

— Риск должен сопровождаться ответственным лицом.

— Тогда открывай.

Створка разошлась. Мира шагнула внутрь и захлопнула дверь перед инспектором.

Тоннель вывел их к служебной платформе. По рельсу шли контейнеры с лабораторными отходами.

Сверху открылась решётка. На платформу спрыгнула женщина в зелёном плаще. Её лицо Кирилл видел у прилавка с искренностью, только там она была старше.

Теперь волосы падали до плеч, нос стал уже, а на щеке появилась родинка.

— Вы очень шумно покупаете, — сказала она.

— Варя Ноль?

— Сегодня да.

Она провела пальцами вдоль челюсти. Под кожей прошла волна, и лицо изменилось. Скулы стали шире, голос опустился.

— Выход перекрыт. Ваши профили уже у рамок.

— Можете снять? — спросила Мира.

— Снять нельзя. Можно дать рамкам другую правду.

Варя показала экран. Профиль Кирилла был отмечен как корпоративный носитель доверенного авторского ключа. Право на распознавание лица принадлежало «Благоречи» по старому договору.

— Они сохранили лицензию после моего ухода?

— Вы ушли. Лицо осталось в приложении.

Варя достала три прозрачные плёнки.

— Временные профили. Десять минут.

— Чьи они? — спросила Мира.

— Людей, которые больше не пользуются собой.

Тёма первым наклеил плёнку под челюсть. Система увидела пожилого техника по лифтам. Мире достался профиль медицинской курьерши, Кириллу — поставщик пищевых культур.

— Где настоящий владелец? — спросил Кирилл.

— Продал профиль, чтобы оплатить зубы. Теперь зубы его узнают, а город — нет.

Они пошли вдоль платформы. Варя меняла лицо перед каждой камерой. Подкожная сетка сдвигала опорные точки, проектор дорисовывал остальное для машин.

— Вы обнулённая?

— По решению суда.

— За что?

— Имя принадлежало родителям по кредиту на рождение. Голос забрал работодатель. Внешность была залогом клиники. После нарушения договоров суд оставил мне тело без прав на его описание.

— Вы согласились на такие условия?

— В день рождения. Подтверждение поставили родители. Работодатель получил голос, когда я подписывала первую смену. Клиника забрала лицо после просрочки. В суде сказали, что тело осталось у меня, поэтому баланс интересов соблюден.

— Как вас регистрируют?

— Никак. Поэтому Ноль.

У выхода стоял инспектор. Тёма назвал обслуживание отходного шлюза, Мира — доставку образца. Рамки пропустили их.

Кирилл подошёл последним. Система прочитала профиль поставщика, затем нашла авторский ключ.

— Зафиксировано совпадение с разыскиваемым лицом.

Варя встала рядом и приняла лицо Кирилла.

— Ошибка распознавания. Кирилл Обрыв — это я.

Инспектор перевёл идентификатор на неё. Экран подтвердил совпадение.

— Остановитесь.

Варя шагнула назад и стала пожилой женщиной.

— Разыскиваемое лицо утрачено, — сообщила рамка.

— Восстановить предыдущий профиль.

— Предыдущий профиль принадлежит поставщику пищевых культур.

Кирилл прошёл через створку. Варя скользнула следом, пока инспектор спорил с журналом.

Они вышли в старый склад. Тёма закрыл дверь стальным рычагом.

— Прошивка у тебя?

Кирилл достал пластину. Корпус треснул, но внутренний слой сохранился.

Варя поставила на ящик автономный считыватель.

— Пять минут. Потом рынок начнут глушить.

— Зачем помогаете?

— Инспекция заберёт товар и снова продаст его через неделю. Мне не нравится повторная комиссия.

Считыватель открыл предварительную установку «Единого языка». Под ней находился аварийный протокол.

Кирилл узнал структуру сразу. Он написал её пятнадцать лет назад, когда тестовый ротник не отпускал фразу после сбоя. Протокол возвращал человеку управление, если система не могла подтвердить источник команды.

— Мой аварийный выход.

— Сейчас он делает вход.

Код использовал доверенный ключ Кирилла, но дата сборки стояла через три года после его ухода из «Благоречи». Кирилл помнил тот месяц. Он уже ремонтировал дешёвые ротники в подвале и добивался от корпорации отзыва авторского доступа. В ответ пришло уведомление: отзыв может нарушить устойчивость действующих сервисов и будет рассмотрен после завершения эксплуатации кода.

Эксплуатация, судя по файлу, не закончилась.

— Они продолжали собирать версии под моей подписью.

— Здесь право управления, — заметила Варя. — Пока ключ считается вашим, система принимает обновление как исправление автора.

Кирилл открыл журнал. Защита от принуждения стала механизмом завершения согласия. Аварийное возвращение управления человеку превратилось в возврат к выбранной системой фразе.

В старой версии при сомнении всё останавливалось. В новой сомнение считалось сбоем, а система повторяла удобную фразу до нервного закрепления. Его предохранитель стал частью оружия именно потому, что пользователи доверяли подписи автора.

— Я дал им основу, — сказал он.

— Вы дали выход, — ответила Мира. — Они его развернули.

Внизу журнала мигала закрытая строка. Адресатом значился автор ключа.

Кирилл открыл её.

На экране появилась фраза:

«Автор должен вернуться к последней редакции».

Глава 8. Пользователь не страдает

Пресс-центр «Благоречи» занимал нижние этажи башни. Туда пускали без отдельного разрешения: компания любила открытость, если сама выбирала вопросы и время ответов.

Мира пришла за двадцать минут до начала. Служебный знак не сработал. Турникет сообщил, что её статус проходит корректное завершение, и выдал гостевой пропуск с надписью «Бывший специалист».

— Я сотрудник отдела речевых аномалий.

— Подразделение не подтвердило необходимость вашего присутствия.

— Меня пригласили.

— Приглашение найдено. Доступ наблюдателя без полномочий.

На следующей рамке посетителям выдавали речевые правила. Слова «жертва» и «сбой» разрешалось произносить только вместе с юридической оговоркой. Базовая оговорка стоила двести кредитов и занимала сорок секунд эфира. За доплату её сокращали до девяти.

Журналист перед Мирой купил право трижды сказать «сбой».

— А если человек умер? — спросил он.

— Рекомендуем формулировку «окончание биологического сопровождения».

Мира отказалась от платной оговорки. Рамка предупредила, что её вопросы могут задержать ради речевой безопасности.

В зале стояли белые кресла. На спинках светился социальный рейтинг владельца места. Первый ряд отвели семьям, чьи истории использовали в демонстрации. Сотрудники клиентской заботы поправляли им воротники и просили не закрывать руками лицо.

Мира села у прохода. Образец из клиники остался у Тёмы, копия прошивки — у Кирилла. После рынка они разделили материалы. Кирилл явно хотел оставить у себя всё, но спорить не стал.

На сцену вышел Иларион Мамонтов.

Мира видела его только на внутренних совещаниях. Вживую основатель «Благоречи» оказался ниже, чем казался на экране. Камера не убирала морщины вокруг глаз. Даже это выглядело частью доверия.

— Добрый день. Сегодня мы показываем обновление речевой безопасности. Сначала напомним, зачем она появилась.

За его спиной включилась запись школьного чата. Подростка травили за заикание. Первые сообщения выглядели как шутки, потом появились угрозы. В конце мальчик просил удалить его из общей группы, но школьная система считала это отказом от образовательной среды.

— Это было двадцать два года назад, — сказал Мамонтов. — Через три месяца мальчик погиб. Его мать спросила меня, почему право десятков детей на шутку оказалось важнее права одного ребёнка дожить до утра.

Он говорил спокойно, без просьбы о сочувствии.

Следующая запись была домашней. Женщина пыталась вызвать полицию, пока муж стоял рядом. Старый интерфейс требовал прямого описания угрозы. Новый фильтр распознал скрытую фразу и открыл тревожный канал.

— Через семь минут она вышла из квартиры вместе с детьми. Система не дала мужу отменить вызов её голосом.

На экране появились данные. После установки семейных фильтров стало меньше повторных угроз. Школьные сети быстрее останавливали травлю. В транспорте словесный конфликт реже доходил до драки.

Большая часть цифр была настоящей. Мира сама проверяла случаи, где ротник не позволил работодателю заставить сотрудника отказаться от лечения. Она не могла назвать всю систему ложью. Поэтому Мамонтов звучал убедительно.

— Свободная речь распределена не поровну, — продолжил он. — У сильного больше времени и свидетелей. У слабого часто есть одна фраза, которую он не успевает сказать. Наша задача — дать ему эту фразу.

На сцену пригласили учительницу. Мамонтов попросил повторить оскорбление, которое она получала от родителя ученика. Ротник остановил фразу и предложил нейтральное описание претензии.

Зал зааплодировал.

— Мы не запрещаем чувство. Мы не позволяем превращать его в оружие против человека, который слабее в этот момент.

Учительница хотела что-то добавить. Подъязычная мышца сократилась, но модератор уже поблагодарил её и увёл со сцены.

Начались вопросы. Журналист с оплаченным словом спросил о задержках после обновления. Микрофон сам добавил оговорку о допустимой погрешности.

— Да, задержки есть, — ответил Мамонтов. — Мы изучаем семьдесят четыре случая. В двух потребовалась помощь врача. Проблему нельзя скрывать, но она не доказывает, что миллионы пользователей должны остаться без защиты.

Другой журналист спросил, почему прямой отказ иногда заменяется просьбой перенести решение.

— Отказ под давлением может быть таким же чужим, как согласие. Система даёт человеку время. Ошибка начинается там, где отсрочка становится решением за него. Эту границу мы проверяем.

Он сам назвал слабое место. Мира разозлилась. Ей хотелось остановить показ и заставить зал увидеть язык Льва, который подтверждал оплату после смерти.

Ротник предложил назвать это профессиональным несогласием. Мира отключила подсказки.

Модератор дал ей микрофон последней.

— Мира Штольц, независимый наблюдатель. Избегайте терминов, требующих оговорки.

— В клинике «ЛучшеВы» умер семнадцатилетний Лев Городецкий. Ему снизили способность к прямому отказу ради учебной адаптивности. После физического отключения ротника язык продолжал подтверждать результат процедуры. Почему речевой модуль находился внутри генетической коррекции?

На общем экране её вопрос изменился:

«Как компания оценивает статистическую погрешность рече-генной совместимости у несовершеннолетних?»

— Благодарим за профессиональный вопрос, — сказал модератор.

— Это был другой вопрос, — произнёс Мамонтов.

Он повернулся к Мире.

— Вы спросили, почему у Льва снизили способность к отказу и почему его тело продолжило речевую реакцию после отключения устройства.

— Да.

— Я не буду называть это статистической погрешностью. Клиника оформила процедуру как генетическую, хотя использовала речевой компонент. Его присутствие скрыли от семьи. Это недопустимо.

Мать Льва сидела в первом ряду. Она закрыла лицо ладонью. Камера сразу вернулась к Мамонтову.

— Пока нельзя доказать, что речевой компонент стал причиной смерти. Биологические образцы уничтожили после обнаружения загрязнения. Материалы переданы медицинской комиссии.

— Кто признал образцы загрязнёнными?

— Ваш анализатор.

— Я создала ложную запись, чтобы клиника не уничтожила материал.

В зале зашумели. Модератор потянулся к панели, но Мамонтов остановил его.

— Значит, образец сохранился?

— Я этого не сказала.

— Вы сказали достаточно.

Мира поняла, что сообщила ему больше, чем собиралась.

— Госпожа Штольц нарушила порядок, чтобы сохранить данные, — сказал Мамонтов залу. — Это может быть служебным нарушением. Одновременно это поступок специалиста, который не доверяет процедуре. Потерю доверия нельзя исправить пресс-релизом.

Он не нападал и не оправдывался.

— После мероприятия я предложу ей внутренний доступ к проверке. При условии, что мы будем работать с данными, а не с догадками.

Рядом журналист спросил шёпотом, можно ли купить право сказать «шантаж». Ротник предложил ему «кадровое приглашение с высокой мотивацией».

Мамонтов перешёл к следующей части показа.

— Многие случаи последних дней связаны с потерей доверия к собственной речи. Пользователь слышит подсказку и принимает её за внешний приказ. Мы пригласили человека, который прошёл независимую стабилизацию.

На сцену вышла Анна Вольская.

На ней был тот же светлый костюм, что утром у Кирилла. На рукаве появился знак семейного фонда. Анна шла без поддержки и следила взглядом за залом. Для камеры она выглядела лучшим доказательством.

— После смерти мужа я испытала тревогу и неверно истолковала работу семейного профиля, — сказала она. — Незаконное вмешательство усилило моё состояние. Сейчас я добровольно отказалась от претензий к «Благоречи».

На слове «добровольно» правая рука сжалась. Ногти вошли в ладонь. Лицо не изменилось.

На большом экране рук не было. Камера увеличила лицо Анны и закрыла нижнюю часть кадра титром: «Пользователь не страдает».

Мира поднялась.

— Покажите её руки.

Модератор выключил микрофоны. Мамонтов посмотрел на экран, потом на Анну.

— Анна Сергеевна, вы хотите продолжить?

— Продолжение поможет восстановить корректную версию события.

Пальцы сжались сильнее.

— Вы хотите продолжить?

Мамонтов подошёл ближе.

— Вы хотите уйти со сцены?

Анна повернула голову. На секунду в её взгляде появилось узнавание.

— Я...

Ротник закончил:

— Я готова продолжить.

Рука разжалась. На ладони остались красные следы.

Мамонтов снял микрофон.

— Демонстрация завершена.

Свет погас. Сотрудница клиентской заботы увела Анну. Та шла сама и благодарила зал. Аплодисменты сначала включились из динамиков. Через несколько секунд к ним присоединились люди.

Мира прошла за кулисы. Анны уже не было. На полу лежала защитная накладка от ногтя с каплей крови. Мира наклонилась, но сотрудник в сером костюме встал рядом.

— Биологические материалы сцены принадлежат медицинскому оператору.

— Она повредила ладонь.

— Пользователь не страдает.

— Я видела.

— Камера не зафиксировала признаков боли.

Мире захотелось ударить его. Мысль пришла без расчёта последствий. Ротник молчал: подсказки оставались выключенными.

Сотрудник отступил.

— Иларион Петрович ждёт вас.

Кабинет Мамонтова находился рядом с пресс-центром. Внутри стояли обычный стол и старый экран. Мамонтов сам налил воду.

— Вы остановили демонстрацию, — сказала Мира.

— Анна не ответила на вопрос.

— Её ротник ответил.

— Поэтому я остановил.

— Вы знали о коррекции?

— Я знал об обновлении семейного профиля. О глубине вмешательства мне сообщили утром.

— И всё равно вывели её на сцену.

— Её заявление собирались показать в записи. Я настоял, чтобы она пришла. Так я мог увидеть её сам.

— Вы использовали пресс-конференцию как осмотр.

— А вы использовали её как допрос.

Мира не ответила. В части формы он был прав.

Мамонтов открыл предложение о должности: руководитель независимой группы речевой совместимости. Оно давало доступ к медицинским журналам и внутренним версиям обновлений.

— Ваш отдел больше не сможет расследовать дело. У него нет доступа. У меня есть.

— В обмен на образец?

— Оформите его так, чтобы данные можно было использовать. Создайте цепочку хранения сами. Я дам вам право запретить удаление.

Предложение было сильным. С этим доступом она могла проверить Анну, Льва и метку МИФ-5. В Низу были копии, но не было исходных карт пациентов.

— Почему вы доверяете мне?

— Не доверяю. Вы проверяете тело раньше документа и уже нарушили приказ ради доказательства. Для внутреннего аудитора этого достаточно.

— А Кирилл?

Мамонтов сложил руки на столе.

— Кирилл первым понял, что отказ должен иметь технический приоритет. Потом решил, что любое вмешательство в речь является насилием.

— Он так не говорит.

— Он так действует. Анну он повёл за голосом мужа, хотя видел повреждение нерва. В морге говорил с телом, потому что услышал Лену. На рынке был готов отдать память о ней за прошивку.

— Откуда вы знаете про рынок?

— Рынок продаёт записи всем сторонам. Варя Ноль подменила профили, но рекламный купол сохранил реакции.

Мамонтов приблизил экран.

— Кирилл помогает людям говорить «нет», пока их отказ ведёт его к Лене. Он не замечает, что использует чужую боль как маршрут к своей.

Мира вспомнила, как Кирилл заставлял Анну слушать Павла, хотя нерв уже срывался. Вспомнила его ладони на мнемосьёмнике. Он понимал риск и всё равно согласился.

— Вы хотите, чтобы я перестала ему помогать?

— Я хочу, чтобы рядом с ним был человек, способный остановить его до следующей смерти.

— Вы предлагаете работать против него.

— Я предлагаю работать против ошибки. Иногда его. Иногда моей.

Мамонтов открыл отчёт. В нём были адреса людей, которых фильтр защитил от угрозы. Не проценты — конкретные дела.

— Уберите систему сегодня, и часть этих людей вернётся домой к тем, чей голос сильнее. Оставьте её без контроля, и она начнёт решать за них. Я вижу обе опасности. Кирилл сейчас видит одну.

— А МИФ-5?

— Метка старого проекта используется в архивных библиотеках.

— В нервной ткани Льва была не ссылка.

— Поэтому мне нужен образец.

— Модель уничтожена?

— Версия, вызвавшая международный кризис, уничтожена.

— Значит, полного уничтожения вы не подтверждаете.

— Другого без проверки не дам.

Он говорил правду в пределах выбранных слов. Мира не могла доказать больше.

— Подумайте до вечера. Доступ откроется после подписания. Образец останется под вашим ключом.

— Мой ключ уже подписывал документы без меня.

— Получите новый, не связанный с городским контуром.

Мира встала.

— Где Анна?

— В медицинском блоке. До конца проверки её не выпустят одну.

— Она согласилась?

— Её согласие нельзя считать надёжным. Я не буду ссылаться на него.

Это был правильный ответ. Он означал принудительное удержание, но Мамонтов хотя бы не называл его добровольным.

— Дайте мне увидеть её.

— После оформления должности.

— Значит, это условие.

— Это ответственность. В медицинском блоке приходится отвечать за последствия.

Мира вышла, не попрощавшись.

Служебный кабинет отдела находился через два перехода. Она хотела проверить предложение Мамонтова и увидеть, что осталось от дела.

Дверь не открылась.

- Доступ отозван.
- Основание?
- Завершение служебной необходимости.

Медицинская квалификация пропустила её в гостевую часть. Рабочий стол был очищен. На месте расследования стоял документ «Корректная версия события».

Смерть Льва называлась окончанием биологического сопровождения при индивидуальной несовместимости. Осмотр Анны стал добровольной оценкой тревожности. Визит Кирилла в дом исчез. Прошивку с его подписью признали рыночной подделкой.

Все правки подтверждались прежним ключом Миры.

Она запросила образцы из клиники.

«Биологический материал уничтожен после подтверждённого загрязнения».

— Кем подтверждённого?

«Аудитором Мирой Штольц».

— Я создала только локальную запись.

«Локальная запись признана официальной в связи с отсутствием иных допустимых данных».

Резерв медицинского сканирования был пуст. Снимок Анны заменили справкой о нормальной проводимости.

В дверях появился Рудин.

— Мира, тебе лучше уйти.

— Вы закрыли дело?

— Решение пришло выше.

— Моей подписью.

— Подпись прошла проверку.

— Вы знаете, что я её не ставила.

Рудин провёл ладонью по лицу.

— Знаю, что ты вынесла материал и привела нелицензированного техника в клинику.

— Лев говорил после смерти.

— В отчёте это остаточная сервисная функция.

— Устройство было отключено.

— Я с тобой не спорю.

— Тогда откройте дело.

— Не могу.

— Или не хотите?

Его ротник предложил ответ. Рудин сжал челюсть и промолчал. Коридор отметил паузу как отказ от служебного взаимодействия.

— Уходи, пока гостевой доступ не закрыли.

Мира сняла со стола пустую рабочую метку. Она больше ничего не открывала, но внутри оставался её старый номер.

На выходе пропуск потребовал вернуть полученные сведения. Мира подтвердила, что не выносит корпоративных носителей. Сведения в памяти турникет пока не умел изымать.

На улице она остановилась под козырьком. Кириллу нужно было сообщить о предложении Мамонтова. Правильным казалось отказаться. Полезным — принять и получить доступ. Чего хотела сама, Мира не понимала.

Она включила подсказки.

«Профессиональное разочарование. Временная потеря доверия. Эмоциональная реакция на изменение статуса».

Ни одна формулировка не подходила. Мира выключила ротник и сказала вслух:

— Я зла.

Слово прозвучало непривычно, но осталось её.

Личный канал включился сам. Адрес отправителя отсутствовал. В журнале не было входящего соединения. Из динамика прозвучал детский голос, спокойный и немного заикающийся:

— Ищите слова, которые нельзя улучшить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.